

ТЕЛО ОГРАНИЧЕНО.
ДУХ — НЕТ

ДРУГАЯ СТОРОНА

АЛЕКСАНДР
КРОУ

18+

Другая сторона

Александр Кроу

2026

18+

Книга основана на личном опыте автора. Некоторые имена и детали изменены. Упоминания алкоголя, табака и иных психоактивных веществ носят исключительно описательный характер и не являются пропагандой либо призывом к употреблению. Незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ причиняет вред здоровью и запрещено законодательством Российской Федерации.

Ползком через детство

Моё детство. Конец 80-х и начало 90-х. Это деревня у бабушки на Банном озере. Родители каждый год отправляли меня туда летом на месяц. Лет до десяти–двенадцати.

Я, ползающий на четвереньках по огороду среди кустов и грядок. Мой первый шведский стол — редиска, крыжовник, малина, клубника, яблоки, вишня. Лопухи вдоль забора, чтобы вытереть руки.

Руки тогда были достаточно сильны. Я мог не только ползать, но и лазить на крышу через чердак. На крыше сидел и смотрел на озеро и уральские горы вдали.

Пока работали руки, я рыбачил. Моё детство — полная лодка линей с дедом. Я на заднем сиденье, а он на вёслах. Дед был связист. Важный человек. А в свободное время — браконьер-любитель.

В деревне у меня был свой «Netflix»: дедов сын Женька. Женька, когда выпивал, не контролировал себя. В одной серии он без трупов

бегают по крышам, пугая соседей. В другой — поджигает сарай, который тушат всей деревней.

Дед не любил Женьку. Женька знал это и обижался. Однажды обиделся сильнее обычного и вспорол деду живот. Ножом, которым утром резали свинью. Дед, правда, выжил и прожил лет двадцать.

Ещё у меня был легендарный прадед Вася! Он дошёл до Берлина и обратно. Мой дед забрал его жить к себе в деревню, когда прадеду было около девяноста. Прадед Вася выходил на крыльцо, курил трубку и рассказывал разные истории.

Так я узнал, что в Берлине у него была лавстори с немкой и, скорее всего, остались отпрыски. Любовь к заморским женщинам передалась и мне. Генетика.

Моё остальное детство проходило в двухкомнатной квартире на седьмом этаже в панельном доме города Магнитогорска. Формально свободен, но по факту в заключении. Доступная среда для инвалидов и социальная адаптация — таких слов даже не существовало.

Я не очень сильно рефлексировал по поводу того, что все могут ходить, а я нет. Меня это не тяготило. Я относился к этому как к данности.

Моё детство — чтение книг, учёба, занятия шахматами.

У отца была библиотека из нескольких сотен книг. Так я начал читать. Моим кабинетом был балкон, я заползал туда и читал. К восьми годам я проглотил почти всего Жюль Верна, Фенимора Купера, Майн Рида и даже успел зацепить два тома «Унесённых ветром». Невесть какое чтиво, но для восьмилетнего ребёнка это было скорее аномалией.

Учился я на дому. Несколько учителей из школы еженедельно приходили ко мне.

Друг в детстве был только один — Лёха. Сын одной матушкиной подруги. Один-два раза в месяц Лёха приходил в гости. С ним мы играли в настольные игры. Больше друзей в детстве не было.

В семь лет отец научил меня играть в шахматы. Через год ко мне раз в неделю стал приходиться шахматный тренер из дома пионеров. Через

месяц я мог обыгрывать отца, играя вслепую. Через год первый раз обыграл и тренера.

Отец был электриком на Магнитогорском металлургическом комбинате. Из пролетариата. Работал — пил. Пил — работал. Порой пил жёстко. Рукоприкладство и скандалы в семье были частой картиной моего детства. Прекрасный пример, как жить нельзя. Я его усвоил, получив прививку от алкашки. Отец умер в 2002-м в день, когда мне выдавали диплом.

Матушка в моём детстве подстраивала свою жизнь под меня. Кем только не работала. Сначала несколько лет надомницей на обувной фабрике — шила пинетки. Затем делала обеды для предпринимателей на ближайших точках. Потом сама что-то продавала.

В двенадцать лет мне выдали детскую инвалидную коляску. Я ею не пользовался и обползал стороной. Она простояла два года в кладовке.

Ползать на четвереньках я уже не мог. Продолжал передвигаться на пятой точке, отталкиваясь руками. Но однажды я попробовал пересесть на эту коляску — в тот момент моё детство закончилось.

Первый компьютер: сквозь грядки и огонь

Школьные годы промчались быстро, монотонно и не особо примечательно. Локации всё те же. Месяц в деревне. Остальные одиннадцать — седьмой этаж. Балкон. Пара-тройка выгулов в год куда-то ещё декораций не меняют.

Незаметно пролетел развал СССР. «Лебединое озеро» застало в деревне. В тот день ездили с дедом куда-то на покос на мотороллере. Он сажал меня позади себя. Я упирался правым локтем в бензобак, а спиной в будку, накрытую тентом. Иногда дед брал меня с собой не только на покос. Заезжали в столовую дома отдыха, где работала его любовница Симка. Вывозили от неё парочку бидонов помоев для свиней. Такое вот «полезное применение» любовницы в дедовском хозяйстве.

О своём заболевании я ничего не знал, о перспективах тоже. Интернета ещё не было. Вдобавок к шахматам появилась забава — приставка «Dendy» с пистолетом. Однажды играл дольше обычного. Стрелял уток в телевизоре на вытянутой руке, пока она не устала. Я не знал,

что доводить мышцы до такого предела мне нельзя. На следующий день поднять пистолет этой рукой уже не смог. Мышцы умерли. Стал подставлять под руку стул и стрелял дальше.

Из других развлечений — включал по ТВ программу «Взгляд» Любимова и «Час пик» Влада Листьева. Это был мой «YouTube».

1995-й. Вновь лето у бабушки с дедом. Я уже использую ручную коляску. Но в основном по дому двигаюсь на пятой точке на руках. Проснувшись, ещё могу сам сесть. Слезть с дивана на пол. Залезть на крышу уже нет. Физические ограничения медленно нарастают.

Женька, мой дядька из деревни, о котором писал ранее, стабильно из года в год продолжает генерировать шок-контент. Обычно отделяется 15 сутками заключения.

Во время своего очередного «Netflix»-сезона он сжигает родительский дом, где жили мои бабка с дедом. Пока пожар перекидывается с крыши на сараи, коровники и временки вокруг дома, меня кто-то отвозит на коляске за забор перед огородом.

Там уже толпа зевак. Дом горит, все суетятся, кто-то пытается тушить. А у меня внутри тишина. Буднично. Будто так и должно быть. От бабушкиного дома остались только стены.

Первую ночь после пожара провёл в огороде. Спал на диване, его успели вынести и поставить между грядок. Запах смородины. Звёздное небо вместо потолка. Романтика.

У бабушки было больше десяти родных братьев и сестёр. Трое жили в Москве. После пожара приехал один из них, привёз ей 15 000 долларов от братьев на новый дом. По тем временам сумма почти неприличная. Бабушка знала, что я хотел компьютер, и дала мне из этих денег 1 000 долларов. Мне купили компьютер 486 DX2-66 MHz. С культовой игрой «Doom».

Так Вселенная через огонь посвятила меня в айтишники. Без пароля «Фиделио» и масонских лож.

Физмат. Одно рукопожатие от Брежнева

1997-й. После появления компьютера прошло два года. Одиннадцатый класс. Учительница по математике готовила меня к вступительным экзаменам в вуз. Волновалась, но школу я окончил хорошо. Куда поступать — выбор не стоял. Единственная «компьютерная» тропа вела в МаГУ — Магнитогорский государственный университет. Физмат, специальность «учитель математики и информатики».

Вступительные принимают у меня дома. Сажу на стуле за лакированным деревянным столом, жду экзаменаторов. На ручную коляску тогда садился только для передвижений по дому. Звонок в дверь. Матушка идёт открывать. Через полминуты заходят парень с девушкой — неожиданно молодые, лет по тридцать. Садятся за мой стол.

— Привет! Ну что, готов?

— Доброе утро! Конечно.

Дают выбрать наугад несколько билетов. Выбираю, читаю задания. Удивляюсь: легче, чем давала учительница. Валить меня точно не соби-

рались. Быстро расписываю решения, мелкая моторика ещё работает. Так я поступаю в МаГУ.

Первый семестр. Ко мне прикрепляют однокурсницу Катю. Катя — приезжая. Золотая медалистка с Кубани. Каждую неделю приносит свои лекции и задания. Я переписываю. На следующий день приходит забирает.

На носу экзамены первого семестра. По ряду предметов нелегко: много непонятного. Решаю просто: зубрю учебники и лекции наизусть с утра до ночи. Не высыпаюсь, но снижаю риски по теоретической части.

Наступает день первого экзамена. Алгебра и теория чисел. Этот предмет у нас вёл легендарный дядька, профессор Юрий Николаевич Смолин. Сажу у балкона за столом с компьютером. Дома только отец под шофе, из кухни тянет пельменями. Принимать экзамен приходит лично Юрий Николаевич. Теорию сдаю на ура. Не зря вызубрил 120 страниц учебника. Практику — с горем пополам. Юрий Николаевич ставит в зачётку 4/4. Собирается уходить. Отец останавливает его:

— Я пельмени сварил... может по стопашке? За экзамен и знакомство.

Думаю: «Ну, блядь, какая стопашка...» Пауза на полвздоха. Профессор не отказывает.

Так потихоньку приспосабливаюсь к новому ритму. То, что не до конца понимаю, зубрю. Потом доходит.

Как-то Юрий Николаевич рассказал: в детстве сидел на коленях у Леонида Ильича Брежнева, будущего генсека ЦК КПСС. Его отец дружил с ним ещё в Днепропетровске. Брежнев приходил в гости, часто с любовницей, и усаживал маленького Юру к себе на колени. Смолин рассказывал буднично, будто про погоду. А у меня шок: эпоха через одно рукопожатие.

К концу третьего курса мандраж перед сессиями окончательно выдохся. Экзамены превратились в рутину. В математических формулах и педагогических теориях я видел столько же пользы, сколько в гербарии: красиво засушено, но совершенно бесполезно. Учиться я продолжал по инерции, для получения диплома, который никогда мне не пригодится.

Но был и плюс, я быстро научился вгрызаться в любые объёмы информации. Сдавать темы, в которых ещё вчера ничего не смыслил. Мозг работал исправно, хотя и вхолостую.

Первый Интернет. Снятие санкций

В старших классах с появлением компьютера круг общения расширился. Лёха, друг детства, однажды привёл ко мне одноклассника Женьку, по кличке Ниживий. Визиты Ниживия стали регулярными. Каждую неделю играли в FIFA и NHL.

1999-й. Звоню единственному провайдеру в городе — МагИнфо. Говорю, что учусь в универе. Спинальная мышечная атрофия — я на телеге. Седьмой этаж, выйти сложно. Спрашиваю: можно ли бесплатно получить доступ к интернету для учёбы? С барского плеча дают 300 мегабайт в месяц. Этого хватало разве что на общение по аське.

Свой первый UIN в аське помню до сих пор — 136972030. Ник — Shogun MC. Тогда был популярен сериал «Сёгун».

Однажды спросили:

— ЭмСи? Ты что, диджей?

Я ответил:

— Ага, только вместо винила кручу колёса у телеги.

Был ещё провайдер, не работавший с физиками. У него я подпольно покупал повременку. Первый посещённый сайт — группа «Мумий Троль».

Интернет был диалогный, через модем и телефонную розетку. Подключение — скрежет, визг, свист. Свист модема стал гимном моего освобождения. Вселенная потихоньку начала снимать с меня санкции. Доступ к миру открыт.

Проводники на волю

После появления интернета я изучил азы сайтостроения. Быстро «на коленке» слепил сайт. Стал выкладывать там сборную солянку: от заметок про то, как йоги умудряются сами себе делать фелляцию до статей по IT.

Ниживий рассказал однокурснику Мише Бакурову (кличка Бакыр), что у меня дома интернет и я веду сайт-журнал. У Миши интернета не было, но были далеко идущие цели. Интернет мог стать мостиком для их осуществления. Миша захотел познакомиться, я не возражал. Через пару дней он на пороге. Улыбается. Высоченный, 195 сантиметров. Занимается джиткундо и баскетболом, слушает тяжёлый рок, интересуется вуду. Сошлись быстро, хотя я и не поклонник Metallica или Sepultura.

С его помощью я стал чаще выезжать на ручной коляске за пределы квартиры. Он спускал меня на лифте до первого этажа, а там ещё пять ступенек до двери подъезда. Миша становился позади, брал коляску за ручки и наклонял на себя на 30–40 градусов: передние маленькие колёса вверх, чтобы я не вывалился. Дальше,

двигаясь вперёд, он спускал меня на задних колёсах — ступенька за ступенькой. Такой вот проводник на волю.

Иногда после тренировок по баскету он оставался ночевать у меня. Допоздна сидели в аське, общались с русскоязычными студентами UCLA и айтишниками из США. Мишу интересовали эмиграция и расширение контактов. Цель простая — свинтить в Голливуд. Позже я поймал себя на мысли: а может, и мне за компанию?

2001-й. С Мишей едем в Москву. Он уже легко манипулирует моей ручной коляской. Без труда меня сажает, укладывает, поднимает. Хотя я тогда ещё был намного крепче, чем сейчас, и даже сам мог перевернуться с одного бока на другой. В Москве жили бабушкины братья и их семьи. Я писал про них ранее. Дорога — два дня на поезде. На полпути дверь купе открывается и заходят то ли сотрудники ФСБ, то ли дорожная полиция. Нас с Мишей просят предъявить документы. Соседями по купе не интересуются. Я лежу на нижнем ярусе. Миша сидит на верхнем, свесив вниз длинные ноги. Достает из рюкзака паспорта и отдаёт силовикам. Те, изучив документы, спрашивают:

— С какой целью едете?

Миша, улыбаясь, отвечает:

— Теракт совершить на коляске.

Сейчас, наверное, за такое посадили бы или зубы по купе. Тогда только усмехнулись.

— Шутники, где жить будете?

Я называю адрес и больше с нас ничего не потребовали.

Других происшествий не было. Поселились возле ВДНХ на Алексеевской у родственника.

На следующий день приезжает дядя Саша, старший брат моей бабушки. Разговоры. Показываю ему газету «Магнитогорский рабочий», где была статья о моих маленьких успехах. Перед уходом, немного стесняясь, он подходит ко мне и говорит: «Ты молодец, делаешь всё правильно. Это тебе». И передаёт свёрнутые купюры — 1 000 долларов. Сейчас ему, как Познеру, около 90 лет. Безмерное уважение.

Миша ежедневно катал меня по Москве на ручной коляске. Наматывали до 20 километров. Потом Зеленоград, родственники, дача. И так десять дней напролет. Мой первый опыт вылазки на волю в уже не детском возрасте — сделано!

Возвращение в Магнитку вернуло меня в старую реальность с ограничениями седьмого этажа. Бакыр знакомит со своим тёзкой, соседом

по кварталу. Его тоже звали Миша, но мы называли Попик (фамилия Попков). Попик был крепкий, младше нас на пять лет и немного заторможенный — в квартале над ним подтрунивали. В качестве компенсации у него было доброе сердце, любил придумывать всякое. Мы взяли над ним «шефство». Попик начал захаживать ко мне, став моими ногами и колёсами на том этапе. Позже Попик трижды разобьёт мне голову. Не со зла. Об этом отдельно.

Мишин интерес к вуду неожиданным образом вывел меня через интернет к человеку, который называл себя бокором вуду и писал книги на эту тему. Я сделал ему сайт для своего портфолио. В ответ он познакомил меня с Володей, своим клиентом из Чикаго.

Вова работал с Аэрофлотом, пересекался с Березовским. С его слов, пока он был в долгой заграничной командировке, жена с любовником-юристом провернули афёру: через объявление в местной газетёнке и суд признали его без вести пропавшим. Ей досталось всё, ему только долги. Она вычистила сейф на несколько сотен тысяч долларов и переехала в другой штат. Так Вова остался босым. Эта история и привела его к тому же бокору, которому я тогда делал сайт.

Так мы начали работать с Вовой. Он подкидывал мне заказы на сайты: чикагский кондиционерщик, докторица, инвест-компания. Деньги были небольшие, но я наработывал портфолио.

Позже он свёл меня с парнем из крупной IT-компании — мы звали его Грэг. Через него пришёл жирный заказ: поддержка сайта американского пищевого бренда, я — неофициальный субподрядчик.

Месяц всё шло как по маслу, пока однажды Грэг не приехал к Вове со срочными доработками. У меня была ночь, разница во времени — не дозвониться. Грэг нервничает, переходит на личности. Вова отвечает:

— Следи за выражениями, а то сайт замигает и погаснет.

Грэг сидит на краю стола в светло-бежевых штанах. На ширинке начинает проступать пятно. Не выдерживает — даёт течь. У Вовы пропадает дар речи. На следующий день он позвонил мне: «Извини, ман. С этим человеком мы больше не работаем». Вместе с Грэгом ушли и жирные заказы.

Спустя десять лет я впервые встретился с Вовой в Шереметьево. Я улетал на Бали, а он приехал в аэропорт пожать мне руку.

Интернет перестал быть игрушкой и стал проводником. В мою жизнь на седьмом этаже начали «заходить» люди. Сначала те, кто «выталкивал» меня из квартиры в город, потом те, кто «втягивал» в работу. Я учился не столько делать, сколько настраивать: людей, процессы, цепочки событий. Дальше был переход на другой уровень.

Три удара Попика

Мой распорядок дня в нулевых был однообразен. Рано утром мать уходила на крытый рынок в торговом центре, принимала мясо у поставщиков, следила за разрубом и продавала сама. Работала на себя: арендованное место, своя витрина.

В 10–11 утра она торопилась домой на такси, чтобы за полчаса посадить меня на тележку и разогреть еду. Тогда ещё я сам мог поднять ложку и вилку. На кухне оставляла чай, что-нибудь на перекус и снова на работу. Возвращалась домой, как правило, не раньше восьми вечера. Целый день я проводил за компьютером: общался, работал, сёрфил в интернете. В перерывах подъезжал на кухню попить чай. Иногда обедал, если кто-то из друзей заглядывал в гости. Чаще просил Попика. Он откликнулся, ехал к матери за ключами от квартиры, потом ко мне. Попик был одним из моих первых проводников на волю. Он заметно облегчал мне быт, не отказывал в просьбах, помогал во всём. Вскоре я дал ему ключи от квартиры.

Как-то летним утром 2002 года у меня почти пропал слух на одно ухо. Дома был отец —

восстанавливался после онкологической операции. Мать на работе. Попросил Попика отвезти меня в больницу. Таксисты, как всегда, требовали деньги за дополнительный багаж — складную ручную тележку. Тогда у меня ещё не было электрической. Поехали втроём: я, Попик и подруга. В больнице врач осмотрел ухо и обнаружил серную пробку, которую вышиб мощной струёй из шприца размером с кукурузу. Хлопок в ухе, и я стал слышать лучше прежнего.

Возвращаемся домой. Такси останавливается у подъезда. Солнечно, никого нет, только воркующие голуби, две скамейки, между ними — проход в подъезд. В подъезде пять ступеней до лифта. Попик решает пронести меня на руках сразу до лифта — так быстрее, чем тащить на тележке по ступенькам. Поднимает меня выше, чем обычно, на уровень своей груди. Делает два-три шага от такси, не замечает скамейку. Спотыкается о её край, и мы перелетаем через неё: я — затылком об асфальт, он — на меня.

Под головой расплзается лужица крови. Я в сознании: лёгкое головокружение, сильной боли нет. Вокруг уже суетятся люди:

— Не трогайте до приезда скорой, вдруг мозги вывалятся, кровь сильнее пойдёт.

Какая-то старушка спрашивает:

— Это он что с седьмого этажа выпал?

Я лежу между двумя скамейками, смотрю на тянущуюся в небо девятиэтажку и надеюсь, обойдётся без кровоизлияния. Из подъезда выходит отец, ему уже сообщили об инциденте. Никого не слушая, он поднимает меня с асфальта и кладёт на скамейку. Хотя после операции ему запрещены тяжести. Попик бледный от шока, подруга напугана. Пока ждём скорую, отец поднимается домой на седьмой этаж, наливает стакан водки и выносит Попику.

— Выпей, приди в себя.

Непьющий Попик залпом опустошает стакан.

Вскоре приезжает скорая и увозит меня в больницу. Со мной Попик и подруга. В больнице накладывают швы и делают укол от столбняка. Шрам на голове как напоминание о прошлой жизни.

Спустя время Попик опять испытал мою голову на прочность. Мы спешили в клуб боевых искусств «Чёрный Дракон». Там планировался бой нашего друга Миши. Три трамвайные остановки пешком. Попик вёз меня на тележке быстрым шагом. Там, где были бордюры, приостанавливался, наклонял её на себя, и мы

катили дальше. У одного пешеходного перехода была стройка. Попик не заметил очередной бордюр, тележка врезалась в него передними колёсами, и я, не удержавшись, нырнул головой вперёд прямо в горку кирпичей.

Итог: разбитые солнечные очки, рассечение брови и ссадины. Крови в этот раз было гораздо больше. Снова скорая, снова швы — теперь на бровь.

Позже вспомнил написанное у Коэльо в «Алхимике»: то, что случилось однажды, может больше не повториться, но если случилось дважды — обязательно случится и в третий раз.

Третий раз всё-таки случился — на Банном озере, там, где дом моей бабки. Мы приезжаем туда вчетвером на один день. Спускаемся с горы по асфальтированной дороге. Кто-то из друзей срывается на бег, Попик везёт меня и тоже включает скорость, держит передние колёса поднятыми, чтобы я не выпал вперёд. Все на ходу перебрасываемся шутками.

Набрав скорость, Попик понимает, что не может остановиться. Впереди яма. Как её проскочить — непонятно. Я уже готовлюсь к пиздецу. Тут Попик падает на колени, дёргает

тележку на себя — рук с ручек не снимает. Лёгкая тележка заваливается назад, и я вместе с ней. Опять бьюсь затылком об асфальт, но уже не так жёстко, как в первый раз, и без крови. У Попика — содранные джинсы на коленях.

Весёлое было время — трижды на голову отбитое.

Уход. Новый виток

2 июля 2002 года. Моя группа в университете получает дипломы. За пять лет обучения я там ни разу не был. Не стал исключением и этот день. Преодолевать ступеньки альма-матер было отдельным квестом — желания ехать на церемонию это не добавляло. Тем более диплом и так передадут.

Мать в этот день была на работе. Отец отлёживался в жёстком бодуне, похмеляться не хотел. Тогда он часто пил, а когда пил — в нём просыпалась тьма, и он становился другим человеком. Тогда это была обычная картина.

Позже, в другой комнате, я услышал хрип. У отца случился первый в тот день приступ. Приехала скорая, что-то вкололи. От госпитализации он отказался.

К вечеру ко мне зашёл Попик. Снова странные звуки из комнаты отца. Послал Попика посмотреть. Через минуту он крикнул из комнаты:

— Батя не дышит.

Я руками толкаю колёса тележки и подъезжаю к двери. Вижу Попика, стоящего на одном колене — через другое, согнутое, безвольно свисает отец.

— Делай ему прямой массаж сердца.

Попик кладёт его на пол и пробует делать.

— Искусственное дыхание попробуй.

Безуспешно. Вызываю скорую, всё объясняю. Приезжают через 15–20 минут. Констатируют смерть. Говорю им:

— Попробуйте адреналин в сердце.

— Нету.

Будничная хтонь того времени.

Несмотря на то, что отношения отца с матерью были из разряда «так жить нельзя», она впала в проstrationию на полгода и постоянно ревела. Во мне же его смерть не вызвала душевных потрясений.

Хотя ещё пару лет он иногда снился мне, и, просыпаясь, я чувствовал непонятную жгучую горечь или тоску. Наверное, его стиль жизни, его тёмный пассажир и пагубные привычки не до конца выжгли во мне эмпатию.

2 июля 2002-го — день, когда подошли к концу две жизни. Моя университетская. Физическая — отца. Ушёл один человек, пришёл другой. На следующий день подруга переехала ко мне жить. Это был первый опыт длинных отношений в полтора года. Ей было восемнадцать. Мне двадцать три.

Приговор

2002-й. Возникли проблемы с сердцем. Триггером стал электростимулятор мышц. Я уже знал, что перенапрягать их мне нельзя, гантели только быстрее убивали. Если у обычного человека после физических упражнений руки укреплялись, то у меня было ровно наоборот. На глаза стала попадаться реклама поясов для электростимуляции мышц рук и туловища. Подумал: «О, прикольно. Надо попробовать. Прибор всё делает сам, без моего участия. Может, даст эффект».

Дало. Но совершенно не тот, которого ждал. Через какое-то время впервые почувствовал боль в районе сердца. Она не проходила, и это пугало. Вызвали участкового врача.

Очень хорошо помню этот день. Пришла участковая терапевт — опытная тётка, низкого роста, много лет работавшая в нашем районе. Когда говорила, всегда закатывала глаза кверху. Выслушала жалобы, послушала сердце стетоскопом и бодро, по-будничному, отрапортовала, что у меня болезнь прогрессирующая и ничего удивительного не произошло. С уверенностью заявила:

— Кардиомиопатия. При таких симптомах, скорее всего, осталось жить несколько месяцев.

Я, сидя в ручной тележке, выданной ещё в 90-х, испытал внутренний нокаут, но виду не подал. Внутри бушевал микс чувств: беспомощность, страх, глубокая горечь, животное желание жить. Вроде только появилась какая-то свобода: подруга, первые «проводники на волю», лучший друг, интернет, планы, работа. И тут — приехали, конечная.

Дождлся, когда участковая уйдёт и матушка закроет дверь. Оставшись один в комнате, сидя перед монитором, перестал сдерживать эмоции. Слезы полились рекой.

Через несколько дней, морально сгруппировавшись, я начал искать в интернете всё, что касается моей болезни. Везде куца информация. Это не то чтобы не лечилось, толком даже не купировалось. Лекарств нет, методик нет. В американских и европейских источниках куча непонятных клинических исследований на ранних стадиях. В общем, мрак.

Эти поиски вывели меня на волонтерскую ассоциацию для пациентов с нервно-мышечными заболеваниями при одной из больниц в

Москве. Полетел туда с матушкой, принимали по записи. Главной там была Светлана Брониславовна Артемьева, врач-невролог. Про таких говорят: «врач от Бога». Уровень её эмпатии к пациентам был зашкаливающий. Низкий поклон. Врачи-волонтёры в этой ассоциации улучшали качество жизни детей и взрослых с нервно-мышечными заболеваниями.

Была уже зима, и передвигаться на ручной тележке было не очень удобно. Людей на приёме оказалось немного. Мне было чуть за 20, я был самый взрослый пациент. Дед. Остальным от 2 до 10 лет.

Там же мне сразу сделали разные тесты и процедуры. Одной из них была электромиография — регистрация электрической активности мышц. Оборудование для этой процедуры было в старом двухэтажном здании неподалёку. Лифта там не было, и профессор-генетик Шишкин, взяв меня на руки, поднял на второй этаж.

Позже меня отвезли в какой-то кардиоцентр, чтобы проверить сердце у профессионалов. Помню, лежу на ЭхоКГ и слышу в колонках, как звучит моё сердце. Врач, как диджей, то добавлял звук, то убавлял. В тот момент

теплилась надежда, что, может быть, не всё так уж плохо, как в приговоре участковой.

На следующий день, после процедур, Светлана Брониславовна принесла благую весть. Нашли небольшие отклонения в работе сердца, но не критичные. Скорее всего, из-за электро-стимулятора.

Прописали поддерживающую терапию: ко-энзим Q10, L-карнитин, триметазидин для сердца и что-то ещё. Сказали приехать через год. Жаль, не начал пить это с детства.

Диагноз участкового терапевта обнулился. Словно приговорили к расстрелу, а потом помиловали. Так перепрошивается реальность.

Через год я летал туда уже с Попиком, своим «проводником» на волю, на контрольное обследование. Тогда никаких отклонений вообще не нашли. Можно жить дальше.

Бартер со Вселенной

2007-й. Весна. Коренной зуб решил выйти из строя. Посещение нескольких клиник не помогло. С подросткового возраста челюсть открывалась на полтора пальца. Из-за этого врачу было не подлезть к дальним коренным зубам: ни запломбировать, ни удалить. В повседневной жизни это не мешало есть и пить. Местным стоматологам в Магнитке этот случай оказался не по зубам.

Нашёл в интернете хорошую клинику челюстно-лицевой хирургии в ММА им. Сеченова в Москве. Полетел туда. Сопровождал меня мой товарищ Серёга Трофимов. Все звали его «Немец»: он был частным репетитором немецкого языка. Серёга был старше меня на двадцать лет, но выглядел моложе своих лет и всегда был в хорошей физической форме.

Главврачом в Сеченовке был Астемир Икрамович Шайхалиев. Густые орлиные брови, под которыми сверкали, как молнии, глаза. Мощный дядька. Оказалось, чтобы лечь в клинику на высокотехнологичную операцию, нужна областная квота. Подумал, какая ещё, блядь, квота? Это же просто зуб.

Один из бабушкиных братьев, дядя Слава, уложил мою ручную тележку, выданную ещё в середине девяностых, в багажник и повёз нас с Серёгой из Сеченовки в Центральный аппарат Минздрава решать вопрос по квоте. Припарковавшись у входа, дядя Слава взял все мои документы, включая бумагу из клиники, и пошёл выяснять без меня. Мы с Серёгой сидели и ждали в машине. Системам нравится, когда ждут.

Через какое-то время он возвращается, улыбается и матерится:

— Блядь, что за люди! Сказали, по регламенту квоту ты должен получать у себя в Магнитке. В Москве получать региональную квоту нельзя — это обход региона.

— Так и что, не дали?

— Я им сказал: он инвалид на коляске, даже стакан воды не поднимет сам, вы предлагаете ему лететь обратно в Магнитку? Сейчас завезу его на тележке к вам в кабинет, и вы ему это сами скажете.

— И что они тебе на это?

— Сказали приехать через пару часов. Сделают квоту.

Чтобы не сидеть и не ждать два часа, мы поехали перекусить в «Макдоналдс». После

этого вернулись в Минздрав и без проблем получили квоту. Я заселился в Сеченовку в отдельную палату. Но даже с квотой всё равно заплатил где-то в районе 50 000 рублей за десять дней (около 1 700 долларов). Вроде бы всё решилось. Но оказалось — это была только разминка.

После всех анализов и снимков врачи рассматривали резекцию челюсти — под общим наркозом. При моём диагнозе это очень рискованно из-за того, что у таких больных после операции часто не запускается дыхалка, их держат на ИВЛ или они просто умирают. Никто из эскулапов не хотел идти на неоправданный риск, поэтому через два дня назначили консилиум. Пока ждали решения, Серёга вывозил меня на ручной телеге за пределы клиники. Гуляли в радиусе трёх километров, не дальше.

Во время очередной прогулки возвращаемся из магазина. Серёга идёт быстрым шагом и везёт меня перед собой.

Внезапно передние колёса въезжают в мягкую вмятину на асфальте — как от полуметрового шара. Левая стопа слетает с металлической подножки прямо в это углубление и упирается носком кроссовка в асфальт. Серёга

не успевает среагировать и толкает телегу дальше. Подножка давит в заднюю часть голени, стопу заворачивает под подножку, и меня прошивает режущая боль. Я даже не могу закричать, а только выдавливаю из себя:

— Сто-о-ой, нога!

Серёга останавливается в недоумении. Я тихо со стоном:

— Пожалуйста, не дви-и-гай. Нога сломана.

Он не верит:

— Как сломана? Да ты просто растянул.

Аккуратно берёт мою ногу и ставит стопу обратно на подножку — боль становится ещё сильнее.

— Серёж, опусти её с подножки, пусть повисит.

Пробует медленно ехать, но я чувствую, что могу отключиться. При движении боль пронзает всё тело.

— Стоп, стоп! Очень больно. Давай постоим чуть-чуть.

Чувствую, меня лихорадит, температура поднимается.

— Серёж, попробуй поймать машину. Я не знаю, как выдержу дорогу на тележке.

До клиники пара километров. Он останавливает три машины, но все находят повод

отказать. Решаем ехать сами. Серёга медленно, стараясь не трясти ногу, везёт меня. Я терплю до палаты «через не могу». Доехали уже под вечер. Дежурный врач осмотрел опухшую стопу, дал обезболивающее, сказал: «Вряд ли перелом» и наложил лонгету.

Утром зашёл главврач и, узнав об инциденте, направил меня на рентген. На снимках двойной перелом и трещина.

Новая пытка. Отправили накладывать гипс. Медсестра попалась, как из фильмов про добрых санитарок времён Второй мировой войны. Аккуратно сгибала стопу под углом и обматывала гипсовым бинтом. Но всё равно боль, как серпом по яйцам. Поехал вылечить зуб — сломал ногу. Но и это не финал. Господь любит твисты: вниз на шаг — вверх на два.

Звоню дяде Саше, старшему брату моей бабушки. Рассказываю, что случилось, и говорю: есть удобные электротележки — на такой у меня была бы автономная мобильность и ногу бы не сломал. В конце спрашиваю:

— Есть возможность купить мне такую?

Дядя Саша:

— Сколько стоит?

— 10 000 долларов, в московском представительстве Меуга.

Он соглашается и просит прислать моего сопровождающего к нему в офис за деньгами.

На следующий день я уже сидел на новой немецкой электротележке.

После этого состоялся консилиум, на котором решили ограничиться удалением больного зуба и отказаться от резекции челюсти, поскольку риск летального исхода был велик, а проблема с челюстью не была жизнеугрожающей.

Удаление зуба называли операцией. Естественно, под местным наркозом. Было необычно с самого начала. Привели группу студентов, человек десять и одного с видеокамерой. Я был учебным пособием. Пожилой доктор, выполнявший извлечение зуба, вставил мне в челюсть штуковину, напоминающую домкрат. Слегка подкрутил её — челюсть открылась чуть шире. Дальше нельзя, сломали бы или вывихнули челюстной сустав. Зуб доктор раздробил и затем удалил, вытягивая по кусочкам разными инструментами. После этого мне предложили удалить сразу все четыре зуба мудрости. Поскольку они как атавизм и никакого вреда от их удаления не будет, а в будущем они могут

вызвать неприятности. Например, если какой-то зуб мудрости загниёт, то вырвать его в обычной клинике может стать проблемой из-за моей малораскрывающейся челюсти. Я согласился. Учебное пособие не должно спорить. Больно не было. Филигранная работа. Так я остался без «мудрости», но с гипсом на ноге и на новой электротележке. Неплохой бартер со Вселенной.

Спустя пять месяцев я полетел в свою первую поездку за границу на Бали. Но перед этим решил заехать в эту клинику к Астемиру Икрамовичу, чтобы поздороваться. Матушка передала ему армянский коньяк. Уборщица узнала меня. Спросил её:

— Астемир Икрамович работает?

— У себя на этаже ещё должен быть.

Поднялся на лифте к нему на этаж со своим сопровождающим Андрюхой. И как раз в коридоре встретил его. Астемир Икрамович узнал, но не сходу. Немного удивился моему визиту.

— Да, я утром прилетел из Магнитогорска, а вечером лечу на Бали. Решил заехать поздороваться, матушка передала вам коньяк, вот.

— О-о, спасибо, Саша, проходите ко мне в кабинет.

Андрюха тактично отказался, а я зашёл.

Астемир Икрамович закрыл дверь, убрал матушкин коньяк и спросил:

— А ты выпиваешь?

— Совсем немного.

— А мои недавно из Дагестана привезли отличный домашний коньяк. Хочешь, угощу? Тем более мой рабочий день заканчивается через 10 минут.

— Да, давайте 50 граммов, задегустирую.

Астемир Икрамович достал из шкафа трёхлитровку с коньяком. Выпили по стопочке и пообщались ещё минут пятнадцать. После чего я сказал, что мне пора, а Астемир Икрамович в ответ:

— Если нужна любая помощь — деньгами или ещё как, ты звони!

И дал свою визитку.

Такой вот фрактальный маршрут: от зуба и перелома стопы — к электротележке и первой поездке на Бали!

Отпечаток страха

По мере нарастания моих физических ограничений у меня появились страхи, которые не нужно лечить. Мне было около 25 лет. Отправной точкой стала ванна.

Полдень. Дома были я и матушкин брат Женька. Я решил помыться. Процедура была стандартной: Женька уложил меня в акриловую ванну, открыл кран и стал следить за уровнем воды, каждую минуту заглядывая в дверной проём. Тогда я уже не мог сам сесть из положения лёжа.

Ванна была глубокой, вода набиралась медленно. Когда уровень дошёл примерно до половины, Женька ненадолго вышел покурить на балкон.

Прошло чуть больше времени, чем требуется, чтобы выкурить одну сигарету. Меня охватило волнение, пульс участился.

Физика начала работать против меня. По мере того как ванна наполнялась, задница, моя единственная точка сцепления с дном, перестала держать и начала всплывать.

Сработал закон противовеса, туловище пошло наверх, а затылок стал медленно скользить по наклонному борту акрила вниз, в воду. Это была пугающая математика: чем выше поднимался уровень воды, тем глубже в неё проседала моя голова.

Сначала вода коснулась мочек ушей. Потом заполнила ушные раковины. Звук льющегося крана превратился в глухое, утробное рычание. Мир сузился до этого шума и яркого светового пятна от лампочки на потолке.

Пластиковая дверь на балкон иногда барахлила: если захлопнуть не так — обратно не откроешь. Окно — тройной стеклопакет.

Было ясно, если он там застрял, то это мой конец. Кричать соседям бесполезно, никто не услышит. А если услышит — не решится. А если решится — у нас железная дверь. Да и вообще слишком мало времени. Всё это пронеслось в голове за те секунды, когда над водой остались только нос и губы. И всё-таки от безысходности я закричал. Через несколько секунд открылась дверь ванной, на пороге Женька со словами:

— О! Что, уже так быстро набралась?

Взяв за шею, он привёл меня в сидячее положение и затем выключил воду.

Возвращение к жизни. Секунду назад я ждал агонии под звук льющейся воды. А сейчас снова всё под контролем. Это было изменённое состояние сознания. Ты вроде бы остаёшься тем же человеком, но мир вокруг становится другим.

Поэтому вода теперь не льётся, если в ванной никого нет. Поэтому телефон должен быть не в комнате, а под рукой. Поэтому я стараюсь избегать ситуаций, в которых есть только одна точка отказа, когда моя безопасность завязана на ком-то или чём-то одном.

Для меня это не паранойя. Это моя техника безопасности, записанная прямо в нервной системе. Как сказали бы психологи, травматически закреплённая модель риска. Страх утраты контроля там, где последствия ошибки необратимы.

Вещества

Спойлер: драмы не будет. Сигареты, марихуана, алкоголь — всё мимо. Пробовал, но не прилипло.

Сигареты. Первый опыт случился лет в 13–14 в деревне у бабки. Друг детства Лёха был на год младше, но уже вовсю курил. Я сидел в тележке у соседского забора в двадцати метрах от озера. Лёха рядом закурил и протянул сигарету. Я затянулся, докурил до фильтра и не нашёл там ничего, к чему хотелось бы вернуться. Не цепануло, скорее наоборот. Тему «не раскурил» и закрыл без продолжения.

Алкоголь. Первая полноценная доза на мой девятнадцатый день рождения. Поздний дебют, согласен. Старею тоже с тормозами. Выпил два неполных бокала вина и пару стопок коньяка. Сильных, специфических ощущений не было.

Все гости разошлись, кроме друга Миши. Я подъехал на ручной тележке к столу со стационарным компьютером и попытался выйти в интернет через dial-up. На экране монитора всплыло окно для ввода пароля. Пароль помнил наизусть, но был записан и на бумажке.

Ввёл раз — ошибка. Ещё раз — снова мимо. И так по кругу. Дошло: расфокусировало алкоголь. Попросил Мишу ввести пароль. Он пробует вводить по бумажке — безуспешно. Алкоголь повёл себя демократично — расфокусировало не только меня.

Новое решение — я читаю символ, Миша сверяет, правильно ли, и вводит его. Опять фиаско. Так прошло полчаса неудачных попыток. Потом я подобрал новый способ — вводил пароль и после ввода каждого символа зачёркивал его на бумажке. Сработало.

Позже лёг спать. Кайфа ноль: лёгкое головокружение, ватность в теле, речь поплыла, концентрация съехала. Тебе кажется, всё под контролем, но на деле это не так.

Трава. В конце 2007-го ко мне заскочил Макс. Я как раз вернулся в Магнитку с Бали. Макс был творческий и продвинутый. Такие люди любят эксперименты. В начале нулевых мы даже вместе поработали в рекламной компании его брата.

Иногда Макс покуривал травку. Вот и в тот раз он решил покурить и предложил мне тоже. Я

неуверенно согласился попробовать. Единственное, что волновало, — какотреагирует сердце.

У Макса с собой было всё необходимое. Я осторожно сделал несколько затяжек. Прислушался к себе, ничего не почувствовал. Пульс в норме. Голова не кружится. На «хи-хи» не пробивает.

Макс что-то говорил о том, что эффект проявляется не всегда сразу, но я подумал: не моё и на второй раз не решился.

Так трава прошла мимо меня, и сюжета не вышло.

В 2019 году в Bangkok Hospital в Удонтхани (Таиланд) мне делали МРТ горла с введением контраста. Вставили в вену катетер и предупредили, что введут контрастное вещество на счёт «три». Когда наступил этот момент, я был шокирован внезапным, пугающим ощущением. В области копчика вдруг вспыхнуло что-то горячее и затем быстро прошло вдоль позвоночника и по всему телу. Дико необычное ощущение: я почувствовал, как горящая лава пронеслась по артериям.

Сейчас пью только сидр, иногда полбокала или бокал красного вина. Могу стопку рома или коньяка, если замёрз.

Первая заграница

До 2007 года я никогда за границу не выбирался. Да что там заграница — я и из дома-то почти не выходил. Вылазки за пределы квартиры два-три раза в год не в счёт.

Чтобы просто выйти из квартиры и спуститься вниз с седьмого этажа панельного дома, нужно было пройти целый квест. Лифт там был настолько узким, что моя электротележка туда не помещалась — не хватало буквально одного сантиметра. Приходилось частично разбирать её и наискось протаскивать внутрь. Для этого нужны были двое крепких мужиков, желательно не пьяных, потому что телега весила около 115 килограммов и стоила 10000 долларов. Потом спуск на первый этаж, где ждал ещё один барьер — пять ступенек вниз. По этому же маршруту нужно было десантировать меня самого.

Летом 2007-го мне повезло. Удалось получить заказ на разработку сайта для местного торгового центра. За плечами было несколько зарубежных работ, и это помогло мне в сделке. Надув щёки, я встретился с представителем центра и продал цену в 15000 долларов. Основную работу я делегировал своему разрабу

из Ивано-Франковска, он попросил за неё 500 долларов. Остальные 14500 я забрал себе. Работу сделали за месяц.

И тут, как говорится, гуляй рванина. Я, можно сказать, тыкнул в глобус куда-нибудь подальше и поэкзотичнее. Этим местом стал остров Бали.

Нужно было нанять сопровождающего. Раньше у меня их не было. До этого максимум, что я делал, — выбирался на улицу с помощью друзей или случайных героев. В то время я уже был знаком с Мишей Санкиным (моим будущим партнёром по Флайтуристу), он и посоветовал мне своего друга и бывшего однокурсника Андрюху. Крепкий детина, первый разряд по плаванию, если что, утонуть не успею.

Встретились, пообщались, прикинули, решили попробовать и пару раз съездили с ним за город на тест-драйв: обкатка, притирка, проверка взаимодействия.

Одна из поездок — на горнолыжку под Магниткой. Андрюхина тюнингованная Волга. Погрузка, выгрузка — разобрались сразу. Дальше километр до подъёмников по асфальтированной дороге между берёз — знакомые с детства пейзажи. Я на своей электроколяске —

максимальные 10 км/ч. Андрюха бегом ещё быстрее. Обгоняя, троллит меня. Я смеюсь: «Ты охуел?» Он ржёт ещё громче. После подъёма сидим в полупустом кафе, летом меньше народу. Андрюха балагурит. На фоне играет Umbrella Рианны. Улыбаюсь и пью коктейль. Фильм «1+1» снимут только через четыре года. А мы уже внутри этого — без камер и дублей.

Август 2007-го. Москва. Авиакомпания «Трансаэро». Господь в хорошем настроении — меня пересаживают из эконома в бизнес. Я улыбаюсь: похоже, портал в новую реальность начал открываться.

Прилетаю на Бали ночью. Густые, незнакомые запахи пьянят, экзотика повсюду, кругом только красота.

Утро, жара, влажность, я — на подъёме. Тут моя телега при включении выдаёт ошибку на пульте и никуда не едет. Я в шоке и расстройстве. Пересаживаться на ручную дико некомфортно. Опять лишаюсь свободы передвижения, а у нас уже гид у дверей. Программа — Убуд: сердце Бали, лес обезьян и прочее.

Звоню дилеру, у которого покупал электрическую телегу, диктую ему код ошибки. Говорят: «Мы перезвоним».

В отеле мне выдают ручную коляску, и мы с Андрюхой катим на минивене в Убуд. На месте толпы японцев, разбавленные европейцами. Японки, как с обложек, которые не печатали в Советском Союзе. Смотрю, каждая вторая — будто не женщина, а генетический манифест. Вселенная требует смешения «культур».

Вижу интересную японку. Присмотрелся к ней — кажется охуенной! В движении, как в кино: грация, глубина, аристократическая лёгкость. Осматриваюсь, нет ли рядом с ней бойфренд? Нет, только гид. Думаю, вот, блядь, подфартило... Электротелега сломалась, а тут — то ли гейша, то ли богиня. Как к ней подкатывать, если ты, сука, в ручной телеге и тебя толкает сопровождающий?

Разработал «план-капкан». Говорю Андрюхе:

— Видишь девушку? Вариант «подвези меня к ней» отпадает. Будет выглядеть, как будто я собираюсь снимать шляпу и просить на пропитание. Делаем иначе. Нужно сначала зацепить её и вовлечь в любое взаимодействие. Ты

подходишь к ней с фотокамерой, показываешь на меня и говоришь: «Не могли бы вы сфотографировать меня с другом?»

Он подходит и начинает говорить. Она немного растеряна, что-то переспрашивает, но соглашается. Андрюха присаживается на корточки сбоку от меня. Мы позируем и улыбаемся как два идиота.

Потом она возвращает ему фотоаппарат, а я сразу подхватываю:

— Как вас зовут?

— Юна.

— Я Алекс. А вы откуда?

— Нагоя, Япония.

— Никогда не был в Японии, но вы очень красивая. Можно с вами сфотографироваться?

— Со мной? — переспрашивает, показывая на себя пальцем.

— Да. Мой друг сделает фото.

Юна не против. Я пытаюсь спросить её номер телефона, но она вежливо отмахивается:

— У нас CDMA, здесь мой телефон не работает.

Не сдаюсь:

— А e-mail?

— Конечно, — говорит. Я даю ей свой коммуникатор, она вводит e-mail. Потом спрашивает, где я остановился. Отвечаю:

— Ramada, Tanjung Bena.

В ответ интересуюсь:

— А ты можешь у своего гида спросить номер телефона вашего отеля?

Соглашается, записываю и его. Расстаёмся с улыбкой, а у меня внутри тихий триумф разведчика, удачно внедрившегося в чужую цивилизацию.

Вернувшись в отель, получаю звонок от дилера. Говорят:

— Поздравляем, с вашей электрической коляской ничего страшного. Вы, похоже, случайно заблокировали её магнитом.

Выяснилось, что на пульте есть сенсор. Если поднести к нему магнитный ключ, телега блокируется. Чтобы разблокировать, надо поднести снова. А у меня чехол от коммуникатора как раз с магнитной застёжкой. Ну и, как водится, поднёс — заблокировал. Всё просто. Просто я лошара.

В итоге всё стало на свои места. Телега, как продвинутый оракул, проверяла, готов ли я к японке. Оказался готов. Квест засчитан, доступ к мобильности восстановлен.

На следующий день я попросил своего гида, который курировал наше пребывание, позвонить в её отель и узнать адрес. Ближе к вечеру я приехал туда на минивене, но уже на своей электротелеге. Ресепшионистка вызвала Юну, и она вышла. Мы с ней неспешно пообщались, прогуливаясь среди вилл и цветущих деревьев.

На прощание я пригласил её в мой отель поужинать на следующий день. Она улыбнулась и, чуть смутившись, спросила:

— А ничего, если я привезу с собой японский музыкальный инструмент? Хочу сыграть немного.

Конечно, я был только за.

На следующий вечер она приехала. Мы ужинали в небольшом бутиковом ресторане при отеле на берегу: столик под открытым небом, фонари, шум океана под музыку и почти никого вокруг.

Потом она достала японский трёхструнный сансин и заиграла. Звучало непривычно: абсолютно новый, по-своему уникальный опыт. Но внутреннего резонанса не случилось.

Мелодия тянулась, проваливаясь в длинные паузы. Голос Юны, незнакомые японские слова и этот звук — инсталляция эпохи самураев.

Это вызвало у меня лёгкую улыбку, а Андрюха сидел и еле сдерживал смех — варвар.

Позже мы ушли в номер. Помощника я заранее предупредил не заходить.

Ну а дальше никакой романтики, просто «химия».

Микки Маус. Баночка с камнями

Ранняя осень 2009-го, Магнитогорск.

Еду в местную поликлинику на УЗИ брюшной полости. Не помню уже, что именно меня туда привело, то ли дискомфорт в боку, то ли плановый чекап.

Попасть в поликлинику на электрической телеге было сложно. Пришлось пересесть на ручную коляску. Катил меня Артём, бойфренд моей хорошей подруги Рамили. Атлетичный парень. Иногда он помогал мне преодолевать гравитацию этого мира, временно отменяя мои физические ограничения.

Поликлиника в километре от дома. На пути к ней только пять ступеней в подъезде, трамвайный переход с рельсами и десяток бордюров — обычная дистанция. Добрались быстро. Нас встретила железная дверь, напоминающая вход в колонию строгого режима — привычная архитектура того времени и места. Высота порога сантиметров тридцать без намёка на пандус. Чтобы осилить такой барьер в «один ход», Артём завалил коляску и поднял заднюю часть. Внутри начиналась более изощрённая

система препятствий — линия Маннергейма от инвалидов.

Уровни пола одного этажа жили своей жизнью: пара шагов по коридору и две ступени вниз. Ещё поворот — три на верх. Сделано грамотно — всё сопротивляется твоему перемещению.

Нужный мне кабинет находился этажом ниже, в подвальном помещении. Лифта нет. Два лестничных пролёта.

Спуститься туда можно только с помощью грубой физической силы. У Артёма её с запасом. Он без напряжения взял меня на руки, как будто держал не «пятьдесят человеко-килограммов», а уют, и понёс вниз, оставив коляску наверху. Фараоном я себя не почувствовал, у них свита была побольше. Но аналогии с гробницей провёл.

Результат УЗИ был на неизвестном для меня языке: хронический калькулёзный холецистит, камни в желчном пузыре. Было непонятно, кричать «караул» или выдохнуть. Я был далёк от этой темы и не знал, растворяются ли камни таблетками или с ними просто живут дальше. Ответ обрушился обухом по голове: желчный пузырь нужно удалять планово. Только общий

наркоз. Какие могут быть риски общего наркоза при моём диагнозе, мы уже проходили пару лет назад в Сеченовке. Для меня это всегда была русская рулетка.

Матушка поехала провентилировать этот вопрос в одну из больниц города. Хирурги не горели желанием связываться со мной и делать такую операцию. Статистику смертности себе портить никто не хотел.

— Приезжайте в острую фазу, когда уж совсем припрёт.

Безупречная логика. Ведь в острой фазе с врачами все взятки гладки.

После этого я ещё сильнее не хотел оперироваться в родном городе. Успешный исход при таких раскладах казался мне лотереей. Для хэппи-энда здесь должно было совпасть всё: врачи, анестезия, уход, операционная, индивидуальный подход под нестандартного пациента вроде меня.

Была уже зима, и я продолжал искать доступные варианты, где я готов лечь под нож за пределами Магнитогорска. Везде, куда я писал, ответы были не в мою пользу. Многие прямо

отвечали: мне нужна профильная клиника. У пациентов вроде меня высокий риск летальности при общем наркозе.

Нашёл подходящую по характеристикам клинику в Израиле. Но ценник для меня оказался неподъёмным — от 35 000 долларов. Огорчился и продолжил «копать» дальше.

Наткнулся на статью о Михаиле Иосифовиче Прудкове. Про него писали как в России, так и за её пределами. Тяжеловес в мире хирургии. С Урала, мой земляк.

Он работал в Екатеринбурге, в клинике «Здоровье 365». Отыскал его e-mail и сразу написал расклад по своей ситуации и основному диагнозу. К моему удивлению, через несколько часов я получил от него ответ.

Прудков проявил запредельную проактивность. Он не просто ответил — к моменту, когда письмо упало мне на почту, он уже успел связаться с главврачом Челябинской области и ввести его в курс дела. В письме был номер мобильного и короткая инструкция: позвонить, дальше главврач решит все вопросы с моей госпитализацией в Челябинск или Магнитогорск.

Я позвонил. Оказалось, главврач тоже не терял времени: уже поднял коллегу в Магнитогорске, передал ему мой случай. Тот ждал моего звонка. Оставалось согласовать дату.

За несколько часов меня передали по цепочке от руки к руке, до самой операционной. Но я уже всё для себя решил. После «линии Маннергейма», после разговоров про острую фазу обращаться в местную систему здравоохранения я не хотел. Только Екатеринбург, только клиника Прудкова.

Приличия ради я всё равно набрал тот номер и сообщил, что поеду на операцию в Екатеринбург. По голосу я услышал, как у человека на том конце провода упал камень с души. Я избавил систему от лишнего стресса, а себя от лотереи, где шансы были явно не в мою пользу.

Списался с клиникой «Здоровье 365» и договорился, что буду оперироваться у них. Ценник на тот момент был чуть больше ста тысяч рублей. Дешевле только бесплатно. Партия начала складываться в мою пользу.

До Екатеринбурга предстояло преодолеть примерно 520 километров в режиме сухого закона. Никакой жидкости перед поездкой, чтобы

«не приспичило»: зимой выйти из машины для меня целый квест. Кроме дискомфорта в правом боку ничего не болело, можно ехать.

Из Челябинска приехал матушкин двоюродный брат, чтобы отвезти её и меня в Екатеринбург на своём авто. Доехали без приключений. Холецистит в острую фазу не перешёл, так и остался тихим дискомфортом в правом подреберье.

Клиника сразу сбила привычные настройки: вместо больничного гнёта — спокойные, улыбающиеся лица врачей, ровные стены без сколов, запах свежего ремонта, огромные растения в кадках. Это было совсем не похоже на место, где можно умереть.

Нам с матушкой выделили отдельную палату с трёхразовым питанием. Первые три дня мне лечили горло, убрали очаги инфекции перед операцией и брали разные анализы. Самым сложным вопросом при моём основном диагнозе оставалась анестезия. Я хоть и был к ней готов, но продолжал не по-детски очковать. Статистика фатальных исходов, о которой я узнал, давила. Но мне продолжало фартишь. Моим анестезиологом стал Игорь Викторович Корняков. Уверенный в себе доктор лет сорока.

Он заходил ко мне на короткие мини-беседы и раскладывал: какую стратегию выбрал и как будет проходить операция. Эти беседы были пропитаны его уверенностью, что всё будет хорошо. Он объяснял мне вещи, в которых я не разбирался, незаметно закладывая свою уверенность в меня. Стресс понемногу падал.

Анестезию решили делать внутривенную, отказавшись от эпидуральной. Действующее вещество — пропофол, как у Майкла Джексона. Способ удаления желчного пузыря лапароскопический, через мини-доступ разрез на два-три сантиметра под ребром и рядом прокол. Операцию назначили на утро.

Вечером зашёл Игорь Викторович. Попросил принять пару таблеток перед сном, чтобы выспаться и быть свежим к утру. Сказал, что оперировать меня будет не Прудков, а другой врач, тоже опытный и не менее надёжный. Уже в дверях задержался на секунду и сказал:

— Александр, завтра с тобой будет наша лучшая бригада. Все уже ознакомились с твоим кейсом и знают, что делать. Ты не должен беспокоиться о том, как будешь отходить от наркоза. Мы всё контролируем.

Его слова звучали так, как будто в мире вообще не существует плохих исходов. После этой установки на успех я лёг спать.

Утром в палату приходят санитары и пере-
кладывают меня на каталку-кровать для
транспортировки в операционную. К горлу
подкатывает комок, и внезапно подступают
слёзы. Сдерживаю их. Думаю, буду ли ещё
живой. Матушка целует, крестит, меня увозят.

Коридоры. Лифт. Чувствую себя внутри
сериала «Скорая помощь», только вместо
Джорджа Клуни герой эпизода Игорь Викто-
рович. Из лифта меня завозят в промежуточную
комнату. Медсестра сбивает лишние волосы у
меня на груди и вокруг паха. Замечает тату
справа, чуть ниже ключицы, и спрашивает:

— Ты любишь наколки?

— Нет. Это тату.

Меня везут дальше в современную опера-
ционную. Аккуратно перекладывают на стол. Там
уже находится Игорь Викторович. На нём
забавная цветная шапочка Микки Мауса. Он в
бодром настроении, отходит в сторону и
негромко включает музыку. Возвращается и
спрашивает, как удобнее уложить мои ноги.
Объясняю: нужно что-то под колени, чтобы они

были полусогнуты, иначе потом затекут и будет больно. Он, похоже, в курсе этих нюансов. Мне приносят цилиндрическую подушку и подкладывают её под колени.

Единственное неудобство — холодновато. Говорю об этом. Медсестра берёт пульт от кондиционера и поднимает температуру на два градуса. Вскоре становится комфортно, насколько это вообще возможно, когда тебя собираются выключить.

Остаётся только волнение перед неизвестностью. Игорь Викторович, как искусный дирижёр симфонического оркестра, начинает прикреплять мне центральный катетер, где-то между ключицей и подмышкой. Всё это происходит под приятную современную музыку без слов.

— А где хирург? — спрашиваю.

— Подойдёт, когда начнём вводить препарат, — отвечает он.

Прихожу в себя от сильной боли. Первая мысль: операция ещё идёт, а наркоз оказался слабым, и я проснулся. Дышать трудно. От боли еле выдавливаю стон. Пытаюсь вдохнуть глубже — не получается. Даже не чувствую, как дышу.

От страха удушья меня охватывает паника. Глаза приоткрываются. Игорь Викторович просит меня сказать что-нибудь. Я не могу произнести ни звука. Тогда он просит сделать глазами знак, если я его слышу. Я выполняю. Он говорит, что операция уже позади и все ждут, когда я окончательно очухаюсь, чтобы убедиться, что всё в порядке и перевезти меня в палату. Задают вопросы. Если говорю «нет» — должен повернуть глаза налево. Если «да» — то направо.

Ощущение такое, будто дышу через тонкую трубочку. Вдохнуть не получается. Проходит несколько минут, и я понимаю, что если бы не хватало кислорода, то я бы уже потерял сознание. Врачи рядом со мной ещё полчаса и затем принимают решение: я достаточно стабилен, и меня можно транспортировать в палату.

Через час я начал коряво выговаривать слова и немного шевелить пальцами. Весь в катетерах — в уретре, в боку, около ключицы. Полноценная речь ко мне вернулась только через сутки.

Утром следующего дня Игорь Викторович принёс сувенир — баночку с дюжиной идеально ровных камней, напоминающих дробь. Оказалось, что мой желчный пузырь уже склеился с печенью и пришлось действовать по плану «Б»,

ювелирно разрезать их между собой, из-за чего операция затянулась на лишние пять часов.

Уезжая из Екатеринбурга, я вёз с собой два трофея: баночку с камнями и подарок на память — ту самую шапочку с Микки Маусом.

Можно было жить дальше.

Мой первый бизнес-партнёр. Флайтурист. Краби ⇌ Купертино

2005-й. Сажу за столом на своей ручной тележке. Под ним — большой стационарный комп, но монитор уже Apple Cinema. Вдруг фирменное «Uh-oh!» из аськи, тогдашнего мессенджера номер один. На экране зелёная иконка, мигающая так, будто сейчас выпадет белый кролик. Как у Нео в «Матрице». Вижу сообщение: «Привет. Я Миша. Наткнулся на твой сайт. Расскажи, как работаешь, какие условия?»

Господь, как опытный шахматист, сделал первый ход в нашей длинной партии. Тогда мы ещё не знали, что на этой доске появятся и миллион долларов, и мой исход в Юго-Восточную Азию.

Миша Санкин очень крутой продажник. У него в городе рекламное агентство. Проходит несколько месяцев. Он кому-то меня рекомендует, я выплачиваю ему комиссию с заказа. Начинаем чаще общаться онлайн, изредка лично. Подсвечивает книги, которые читает: продажи, личностный рост и так далее. Я такие не читал, открываю для себя что-то новое. Мой круг

общения тогда не состоял из предпринимателей. Миша первый. Незаметно моё мировоззрение меняется.

Проходит пара лет, горшочек варит. Вместе создаём «Дневикус» — систему электронных дневников. Едем из Магнитогорска в Челябинск на приём к министру образования области Кузнецову.

Переговоры отдаю Мише. Сам остаюсь на улице, сижу в своей ручной коляске, выданной ещё в начале 90-х. На ногах лакированные чёрные ботинки, жмущие в подъёме. Миша заходит внутрь, я жду. Через полчаса выходит: «Похоже, ему понравилось». Позже нас сливают. Говорили — подсунули своих.

Проходит примерно два года.

2010-й. Я запускаю свой знаковый проект — метапоиск авиабилетов «Флайтурист». Через месяц-два после старта, когда проект был ещё зачатком, Миша предлагает присоединиться в виде бизнес-ангела. Соглашаюсь: 10000 долларов в обмен на 25% в проекте. Джентльменское соглашение без бумаг и подписей. Всё на честном слове. Сейчас так почти не делают. Понятия в дефиците.

2011-й. Проект начинает приносить доход. Через год мы пробиваем показатель чистой прибыли 11000 долларов в месяц.

Весна 2013-го. Ко мне в Магнитогорск от журнала «Hopes & Fears» прилетает Даша Черкудинова и пишет статью. На следующий день вся тревел-индустрия узнаёт мой диагноз и хлопает в ладоши — репостит и высказывает слова уважения.

Начинается магия. Возникают судьбоносные, как потом выяснилось, знакомства. Некоторые фамилии даже страшно произносить.

Лето 2013-го. Звонок из Одессы. Владелец «Senturia», одного из крупных на тот момент туристических онлайн-агентств в Рунете, приглашает обсудить покупку/поглощение «Флай-туриста». Принимаю приглашение. Бронирую билеты Магнитогорск — Москва — Одесса и обратно. Летим с Мишей. Нас встречают, дают машину и трёхкомнатный пентхаус на Дерибасовской. Показывают город, переговоры завтра.

На переговорах Мише делегирую первую скрипку. Нам выдвигают условие: я должен переехать в Одессу. Взамен — хорошая зар-

плата, бонусы и доля в «Senturia» на 100 000 долларов. От предложения отказываемся.

Осень 2013-го. Письмо от бывшего топ-менеджера Yota Павла Ковшарова. Спрашивает: сколько денег нужно, чтобы стать лидерами в Рунете? Отвечаю прямо: исследований не делал, но по ощущениям миллиона долларов хватит. Он отвечает, что готов предоставить эти деньги.

Через неделю Паша прилетает в Магнитогорск. Полдня у меня дома. Тет-а-тет обсуждаем детали. Приходим к черновику соглашения. Остаётся последний шаг — его разговор с Мишей. Они встречаются в клубе «Бумеранг». Паша не видит ценности Миши и ставит мне условие: инвестирует миллион, только если Миша выйдет из проекта. Готов выплатить ему деньги за выход.

Миша не против, но просит 150000 долларов. Паша предлагает максимум 50000, давая понять, что всё в моих руках и торговаться не будет. Выдавить Мишу из проекта не могу — у нас понятийная договорённость. Держать слово для него и меня не пустой звук, даже если на кону миллион. Давлю на Мишу: «Прими Пашино предложение. Для меня этот проект — всё, а у тебя ещё есть свой бизнес». Миша не готов

уходить за 50000 долларов. Он уверен, что можно договориться о ста тысячах и Паша пойдёт на сделку. Но Паша непреклонен. Итог — не договорились. Мы все в пролёте.

Меня это выбивает из колеи, я очень зол и расстроен. На личности с Мишей не переходим, но общение прекращается на несколько лет. На проект забиваю. Переключаюсь на другие вещи. В феврале 2014-го переезжаю в Таиланд. «Флайтурист» приносил прибыль ещё несколько лет на автопилоте по нисходящей. В 2024-м по запросу продаю домен flytourist.ru.

Спустя несколько лет эмоции улеглись, многое переосмыслено. Снова начали общаться с Мишей. Мы сохранили в себе то, что ценнее денег.

Два с половиной года назад Миша с женой и дочерью улетел в Сан-Хосе, США. Как в казино, поставил всё на красное. Уехал со смешными ресурсами в один из самых дорогих городов. Но я знал, что у него всё будет хорошо. Только не знал, как быстро.

В Америке большинство русскоязычных ноют: плохо с работой, то-сё. Миша не ноет, впахивает с первого дня. Открывает компанию по строи-

тельству беседок и террас. Выстраивает воронку продаж и вскоре нанимает людей, которым делегирует заказы. Спустя год и два месяца после старта его оборот превысил миллион долларов, а прибыль составила около 30%. Миша живёт в Купертино, куда из Магнитогорска перетянул и своего семнадцатилетнего сына от первого брака.

Больше года назад у меня схлопнулся кэш-флоу, Миша узнал о моих проблемах и просто предложил помочь. Без позы и лишних вопросов. В то время он сам жил на тонком льду эмиграции и параллельно тянул одну многодетную семью иммигрантов. Они перебирались в Штаты по его стопам и заодно летели сопровождающими для его сына — одного не выпустили бы.

Когда у этой семьи начались сложности, Миша взял их на буксир: оформил жильё на своё имя и дал в долг 20000 долларов. Это тот внутренний код, который объединяет нас до сих пор.

Мишу уважаю и люблю. Легенда!

«Флайтурист» выполнил свою миссию — стал моим Большим взрывом. Разделил жизнь на две части. До — тихая провинциальная вселенная,

серое небо без звёзд. После — новые орбиты: сын Киану и люди, меняющие мою траекторию. Те, с кем повезло встретиться и дружить.

Как я ищу сопровождающих

Я выбираю сопровождающих как системно, так и спонтанно. В последнее время чаще спонтанно.

Правильный выбор — вопрос личной безопасности. А уже потом комфорт и мобильность.

Представьте ситуацию: утро. Просыпаюсь — человек исчез. Самостоятельно перевернуться со спины на бок, сесть на телегу или на диван не могу. Если телефона под рукой нет — хана, подводная лодка с обратным отсчётом. Чтобы избежать этих рисков, я придумал систему личной безопасности «Live Signal». О ней отдельно.

Мои критерии выбора кандидатов.

Красные флаги: любит выпить, физически слаб. Стараюсь избегать кандидатов старше пятидесяти лет. Часто негибкие, сложно сходятся. Дважды делал исключения — оба раза неудачно. Детали не раскрываю — приватность.

Предпочтительный возраст — 22–40 лет. Люди в этом возрасте более гибкие и обычно

готовы к любой движухе. С молодыми интереснее.

Если у человека есть автономное увлечение или хобби, которым можно заниматься где угодно, это важный плюс. В сопровождающих у меня были айтишники, учитель ирландских танцев и другие. Любимое занятие — вакцина от выгорания. Те, у кого много свободного времени и нечем заняться, кроме скроллинга ленты, быстро выгорят. Любая «экзотика» через месяц-два превращается в бытовуху, если нет своего дела.

Обычно ищу человека на период от четырёх до шести месяцев. Чистый прагматизм: экономия на билетах, меньше геморроя с поиском и притиркой.

Максимум через две недели, сопровождающий на автопилоте делает, что нужно. Знает, как повернуть на бок, как давить на колени перед сном для растяжки сухожилий, прочие мелочи.

Человек не привязан ко мне 24/7. Может сходить на море, пройтись по окрестностям. Важно одно: быть на связи, когда позвоню. У него отдельная комната. Я занимаюсь своими

делами, он своими. Если у меня живёт или гостит подруга, свободного времени у сопровождающего гораздо больше.

Шесть месяцев — максимально допустимый срок, чтобы не сильно устать друг от друга.

Механика поиска кандидата: соцсети, знакомые, «Бог послал».

Соцсети. Просматриваю кандидатов задолго до того, как они могут понадобиться. Делаю «посев»: закидываю короткие предложения. Кто откликнулся — созваниваемся. Если не теряет интерес — веду его пару недель, общаемся. Этого срока хватает, чтобы понять: подходит или нет.

Знакомые. Прибегал редко, но метко — оба раза мимо. Обоим было за пятьдесят.

«Господь послал». Это те, кто прочли обо мне и написали слова уважения. Позже кому-то из них я предлагал попробовать новый опыт — побыть моим сопровождающим в параллельной Вселенной. Самый удачный пример — Дэн. Приезжал дважды: на восемь и шесть месяцев. На связи уже 11 лет. Дружим.

Созвоны помогают прочувствовать, нет ли между нами диссонанса. В процессе прощупываю: ответственный человек или нет. Даже его манера говорить даёт срез ответов о кандидате.

Раньше найти сопровождающего было легче. Сейчас сложнее, из-за нового ограничения. Кисть стала малофункциональной: ложку или вилку сам не подниму. Это делает сопровождающий. Вроде бы пустяк — но желающих сразу меньше.

Финансы. Договариваюсь по-разному. Часть людей едут как условные волонтеры — им тупо интересен новый опыт, челлендж, новая реальность. Кто-то и вовсе отказывается брать деньги — с меня только билеты, еда и кров. Кому-то добавляю на карманные расходы 100–200 долларов в месяц. С кем-то договариваюсь индивидуально.

Например, когда я уезжал из Магнитки в Таиланд в 2014 году, у меня был виртуальный товарищ. Он был готов поехать со мной на три месяца, но его держал долг 2000 долларов. Уехать он не мог — работал, а я очень хотел уехать. Договорился с ним на эти три месяца и закрыл долг. Он прилетел в Магнитку и для

притирки прожил неделю. Когда все вопросы отпали, эвакуировал меня из зимы в лето.

Для меня сопровождающий — функция. Внешние руки и ноги — доступ к мобильности. Мой аналоговый «Neuralink». Что касается дружбы... изредка случается.

По следам Сноудена

Февраль 2014-го. Все звёзды согласились между собой, что пора. Пора осуществить давно вынашиваемый план, переехать с седьмого этажа в Магнитогорске в тёплый климат. Далеко, в экзотику. За линию горизонта. Возможно — за линию горизонта событий.

Выбрал Таиланд. Провинцию Краби. Бутиковую деревеньку Ао Нанг — одно из тех мест, где реальность выглядит как спецэффект. Скалы, как в «Аватаре», только в миниатюре. Андаманское море. Ананасовые поля. Симфонии цикад. Нет суеты, и природа с Wi-Fi.

При выборе места взвешивал массу факторов: быстрый интернет, визовый режим, природа, наличие моря, прямые рейсы из России, чтобы матушке было проще посещать меня, и множество других нюансов, которые тоже играли свою роль.

Готовность была на все сто, сомнения и страхи отсутствовали. Деньги присутствовали. Сопровождающий был найден. Звиад, родом из Грузии, но уже много лет жил в Москве. Почти без акцента говорил по-русски, а готовил вообще

феноменально. Кулинарный маньяк. Мы довольно долго знали друг друга онлайн и часто общались. Несмотря на это, пригласил его домой за неделю до вылета в Таиланд, чтобы перестраховаться и проверить наше взаимодействие в быту. Всю неделю смотрели сериал *Homeland* без аллергии друг на друга и под сумасшедшую ароматную аджику из Самегрело.

Наступает 22 февраля, день вылета. Четыре утра, такси ждёт у подъезда. На градуснике минус тридцать три. На мне несколько слоёв одежды и пуховик, как многослойный голубец.

Матушка перед дорогой перекрестила:
— Ну, с Богом.

«На дорожку» осталось проехать привычный маршрут до подъездных дверей.

Звиад спускает меня на ручной тележке на первый этаж, потом ещё пять ступенек вниз, медленно, шаг за шагом, пятясь назад и держа тележку перед собой. Открываются железные двери подъезда, и в лицо бьёт мороз, как током. Секунда — и все слои одежды превращаются в декорацию. Воздух звенит, внутри всё сжимается от холода. Вокруг тишина и пар изо рта. Мир

будто вымер, остались только я, Звиад и хруст снега под колёсами.

Он катит меня мимо скамеек, где когда-то я разбил голову. Пересаживает в такси, возвращается. Вместе с матушкой спускает по ступенькам мою электротелегу весом 115 килограммов. Втроем с водителем загружают её в такси.

До аэропорта семнадцать километров. Не успеваем отъехать и километра, как холод прогрызает до костей. Пуховик не спасает. Внутри растёт паника, будто тело решает за меня. Хочет домой. В тепло. В утро, где не -33. Не уверен, что выдержу — говорю об этом Звиаду. Договариваемся: потерплю ещё десять минут, а там посмотрим.

Всё-таки доезжаем до аэропорта. Печка в машине была на моей стороне. Снаружи ещё темно. Внутри — уже другая жизнь.

Разгружаемся. Звиад сажает меня на мою электротелегу. Пальцы замерзли и не двигаются. Толкая джойстик кистью, въезжаю в аэропорт. Внутри плюсовая температура. Тело вспоминает, что оно моё. Можно двигаться дальше. На регистрации сдаю свою электротелегу в багаж, в салон не берут. Меня пересаживают на ручную.

Ждём рейс до Москвы в Шереметьево. Звиад растирает мне кисти, чтобы согреть. Кровь начинает лучше циркулировать, пальцы зашевелились.

Наконец посадка на рейс. В самолёте согреваюсь окончательно.

В Шереметьево — пересадка между двумя жизнями. До рейса на Пхукет ещё полдня. Снимаю капсульный отель, чтобы выспаться. Здесь недавно жил Сноуден, когда сбегал из Гонконга от спецслужб США. Мы с ним как бы коллеги по транзиту.

Первым делом заваливаюсь на кровать поспать пару-тройку часов. Тепло, тишина; после лютого холода — как в утробе у планеты.

Через несколько часов у меня «ништяки от Бога» — встреча в аэропорту с Дашей Черкудиновой. Дашка — легенда. Приехала в «Шарик» проводить меня в Тай!

Годом раньше она сделала мой деанон. Прилетела в Магнитогорск специально для интервью со мной. Написала мощный текст для Hopes & Fears (позже – The Village) — тогда это было культовое медиа.

Как сейчас помню послевкусие от общения с нею — катарсис для мозга. Позже Даша работала главредом в бизнес-издании «Секрет фирмы» и шеф-продюсером YouTube-канала «Русские Норм!», а теперь у неё свои подкасты.

Приземлился в аэропорту Пхукета 23 февраля. Дождлся, пока все пассажиры выйдут. Служба сопровождения из двух человек подогнала узкую ручную коляску без подлокотников, пересадила меня у кресла и довезла до выхода, где переместила уже на обычную, с подлокотниками. Вывезли в спецмашину-трансформер, пришвартованную к самолёту вместо привычного рукава. Влажный воздух после хрустящего мороза — эффектный контраст.

В аэропорту встречал Саня, один из двух моих партнёров в проекте по виллам Avilita. Он подогнал джип с огромными колёсами, который я заранее арендовал. Загружать электротелегу в высокий кузов было тяжело. Звиаду и Сане помогали ещё двое тайцев.

Из аэропорта сразу двинули в Ао Нанг. 143 километра. План был простой: найти жильё уже на месте. На поиски ушло пару часов. На третьем варианте решил остановиться: домик

тётушки Диам, который надолго стал моей базой. Так я переехал в Краби. Через два с половиной года здесь родился мой сын Киану.

Антидепрессант для брата

Первый год в Таиланде проходил в режиме адаптации, с периодами здоровой тревоги. Так, наверное, чувствовали себя эмигранты в начале прошлого века, плывущие в трюмах из Европы в Америку без обратного билета. Но, в отличие от меня, у них даже гугла не было, чтобы проверить, туда ли они вообще плывут. Шаблоны выживания и адаптации в новой среде только формировались: я учился жить в новых условиях.

В конце ноября 2014 года приехал двоюродный брат Лёня. Он только что отбил от рака и был в ремиссии, но при этом оставался физически крепким — весь в батю. Мог без напряжения поднять меня с пола (актуально после тайского массажа) и посадить на тележку.

Мой первый опыт тесного общения с тайскими девушками случился в приезд Лёни — спустя девять месяцев после переезда в Краби. К этому моменту предубеждения о них в моей голове уже начали выветриваться, и я просто принимал их такими, какие они есть, без лишних фильтров. Приезд двоюродного брата сработал как катализатор. Нырять в неизвестность проще, когда уверен в своей группе эвакуации. Лёня

был надёжен, как швейцарские часы, хотя иногда душнил. Брат, он и в Африке брат, с сопровождающими со стороны не всегда так расслабишься. Хотя и тут бывали исключения вроде «Развраттура» через весь Таиланд с Дэном или «Балийских каникул» с Андрюхой. Там даже Бог мне завидовал.

Через месяц после приезда Лёня приуныл. Эйфорию отпуска сдуло ветром. Сработала классическая механика: если не найти, чем себя занять, то декорации не спасают, тоска накроет хоть дома, хоть в тропиках. Море уже приелось и не манит, сладкое манго превратилось в привычную картошку, авокадо на вкус не лучше огурцов. Ничего против огурцов не имею, но похрустеть ими он мог и в Магнитке.

Недостаток общения душил. Лёня — не айтишник, уйти с головой в онлайн, как я, не мог. В местную русскоязычную тусовку, которая собиралась пару раз в неделю поиграть в волейбол, он тоже не встроился. Языковой барьер надёжно отрезал его от местных красавиц. Его английский ограничивался уровнем «ю тач май та ла ла о динь динь дон», чего явно не хватало для коммуникации. Впрочем, в Ао Нанге английским особо не

владели даже местные, разве что на ресепшене отелей, да и то не всегда.

В 7-Eleven ему приглянулась молодая продавщица-хохотушка. Он ходил туда по два-три раза в день за сникерсом. Сникерс стал для него не просто шоколадкой, а единственным рабочим предложением для ежедневного ритуала. Спустя пять дней Лёня решил обозначить свою симпатию к ней. Он собрал весь свой словарный запас и, соединив три слова на английском — «гулять», «вечер», «я и ты», сделал ей предложение. Поняла она или нет — неизвестно.

На помощь ему пришли мои тайские друзья, Мэй и её муж. У них неподалёку от этого 7-Eleven была кафешка, в которой мы периодически останавливались попить масала-чай. Мэй сходила в 7-Eleven, чтобы передать той продавщице желание Лёни пригласить её на свидание. Оказалось, у неё был жених, но по-дружески она готова была погулять. Так Лёня заполучил её мессенджер и начал чатиться через переводчик. В конце концов «сникерс» между ними так и не случился. Зато Лёню в округе стали называть «Мистер 7-Eleven».

В то время мне в WeChat иногда писала местная особа из окрестностей Ао Нанга —

совсем не в моём вкусе. Её звали Эми. Получив от неё очередное сообщение с просьбой занять 1 000 бат и понимая по контексту, что она из категории «за деньги — да», я делаю ей прямое встречное предложение:

— Не займу, но если хочешь 1 000 бат, то ты можешь осчастливить моего младшего брата, а то он стеснительный, и ему скучно.

— А сколько ему лет? Покажи фото брата.

— 22 года.

Выслал фото. Сделка закрылась мгновенно. Чистый e-commerce: картинка устроила — товар добавлен в корзину. Оформляем самовывоз.

Приезжает во двор на мотоцикле. Лет под тридцать, очень низкого роста, к полноте не склонна, но и не фитоняша, бросается в глаза большой рот. В Краби «гастролирует». Тайские феи обычно не занимаются фрилансом в родном городе или деревне, только в чужих провинциях. Обмениваюсь с ней несколькими фразами ни о чём. Из разряда «как доехала, далеко ли остановилась». Лёня как будто слегка стесняется. То ли меня, то ли её.

— А что я ей должен сказать?

— Ничего, иди в спальню и жди, я ей сам сейчас всё скажу. Можешь на столике камеру на айпаде включить, для твоего семейного архива.

Шучу, конечно. Чтобы снять его скованность.

— Да не-е, нафиг надо.

— Ну внукам покажешь когда-нибудь!

Лёня уходит, а я сопровождаю Эми в гостиную, где она меня спрашивает:

— А почему ты не хочешь меня?

Вру ей:

— У меня подруга есть.

— Тайка?

— Ага, скоро может приехать, поэтому давай, иди к брату в спальню. Но он по-английски не говорит.

— А он в курсе, зачем я приехала?

— Конечно, он заждался тебя уже.

Выехал на крыльцо, а она зашла к нему в спальню. В бунгало напротив жил русский айтишник с семьёй. Его спальня выходила окнами прямо на спальню, где Лёня остался со своей гостьей — метра четыре плюс-минус. Практически партер.

Минут через десять сосед тоже выполз на своё крыльцо с ноутбуком — видимо, половить дзен и Wi-Fi. Мы с улыбкой кивнули друг другу, соблюдая вежливый этикет. Я съехал по пандусу

во внутренний дворик с садом. И тут из моего бунгало началось незапланированное шоу. Стоны и крики Эми набирали громкость, перекрывая цикад. Сосед перестал печатать. Я подумал: пиздец, если сейчас на крыльцо выбежит его ребенок, будет лютый неудобняк. Решил тактично эвакуироваться за пределы участка, оставив соседа один на один с его культурным шоком.

Вернулся минут через сорок. Соседа уже не было, не выдержал накала. А вот звуки из спальни не только не утихли, но и перешли в индустриальную фазу: оконная рама стучала так, будто там забивали сваи. То ли Эми головой билась об раму, то ли ещё как. Я подумал, что сейчас окно вынесут к ебням, и решил заехать внутрь, сказать Лёне попрiderжать коней, пока хозяйка участка не услышала. Стоило мне оказаться в доме, как звуки стали утихать, и через пару минут из спальни Лёни вылетела голая, мокрая как мышь Эми прямиком в ванную комнату. Через минуту вышел и Лёня с видом обманутого вкладчика и, шёпотом возмущаясь, говорит мне:

— Она уже три раза кончила, а я ещё ни разу. Куда она убежала? Переведи ей, а то хрень какая-то. Пробубнила что-то, а я не понимаю, и убежала.

— Ты что ли реально почти за час не кончил?

- Нет, поэтому и говорю, куда она сбежала?
— Ну ты, пиздец, машина.

Вся схема изначально была простая: выдать Лёне секс как дешёвый органический антидепрессант и немного взбодрить. Но что-то пошло не так.

Минут через пять Эми вышла уже одетая. Я передал ей вопрос Лёни. На что она ответила, что уже устала и в следующий раз, мол, дождётся Лёниного хэппи-энда. Взяла свои деньги и уехала. Лёня стоял посреди комнаты раздосадованный и обескураженный, как человек, который купил «всё включено», а его пустили только к кулеру с водой.

Истерика в молле. На лепестках роз

В декабре 2014-го я арендовал Toyota Fortuner. Наш экипаж: я, брат Лёня и ещё один русский парень со своей трёхлетней дочерью. Мы поехали через весь Таиланд в Лаос на визаран, за новым штампом в паспорт.

Одну из остановок сделали в Кхонкене в торговом центре Central Plaza. Необычное здание, напоминающее стадион или инопланетную тарелку посреди провинциальной тишины. Нашли фудкорт, поели. Жёсткого тайминга не было — машина своя, график я определял сам. Так что решили задержаться и двинулись сканировать этажи: поглазеть на бутики и на местных девчонок.

Мой внутренний радар работал в фоновом режиме, но цели захватывал исправно. В магазине спортивной одежды я завёл разговор со смазливой, приветливой продавщицей. Она была рада шансу попрактиковать свой английский и заодно не теряла надежды продать костюм «Адидас» Лёне. Уходя, я взял у неё

номер телефона, а она мой. Мало ли, может пригодиться.

Следом, в магазине фототехники Big Camera, я заметил более интересную особу. Брекеты на зубах, красивые чёрные волосы до пояса, блестящие, как нефть. Её английский был такой же, как и мой тайский — почти никакой. Для вида я попросил показать пару камер. Мы несколько минут тыкали в экраны, объясняясь на пальцах и через гугл-переводчик. Когда стало ясно, что барьер пробит и она настроена позитивно, я попросил её номер. Так обменялись контактами и с нею.

Обеим, как выяснилось, было по 28 лет. У каждой по ребёнку. Обе — рабочие лошадки тайской экономики. Это вам не витринные персонажи с Walking Street. Так я начал знакомиться с местными девушками лицом к лицу, а не только онлайн.

Первая, из спортивного магазина, оказалась очень назойливой. Не успели мы выехать с парковки, как она начала названивать. Около месяца мы поддерживали контакт, а потом всё сошло на нет. Вторая, Плой из Big Camera, через три недели прилетела ко мне в Ао Нанг на выходные.

На обратном пути в Бангкоке был забавный случай. Мы зашли с Лёней в огромный молл. В отделе косметики и парфюма мой взгляд выхватил девушку. Слишком красивую, чтобы пройти мимо — мой типаж на все сто.

В подсознании что-то сдетонировало. Инстинкт мгновенно вытеснил логику. Я быстро нашёл магазин цветов. Купил охапку белых роз, а в центре три красных. Выглядело как вызов. Страсть на лепестках роз. Планов не строил, внутренняя чуйка подсказывала: шансов там чуть больше нуля. Но мне было всё равно. Я решил — покажем! Проверим — а что будет, если? Движуха ради эндорфинов.

Лёня нёс букет, я ехал сбоку, как командир танкового клина. Подъезжаем. Она стоит у витрины. Киваю Лёне:

— Вручай.

Он делает шаг. Тайка видит его, потом переводит взгляд на меня в телеге и резко прячется за коллегу. Отворачивается. Лёня пытается зайти с другой стороны. Она шарахается, как от огня. Я подъезжаю ближе и, улыбаясь, окликаю её:

— Эй, эти цветы тебе!

Она даже не смотрит. Я для неё — ошибка в коде, на которую лучше не смотреть.

Говорю Лёне:

— Оставь цветы на столике.

Он кладёт букет. Мы разворачиваемся. Уезжая, замечаю, что у девушки истерика. Она рыдает и в ярости одновременно. Коллеги её успокаивают. Мы с Лёней охренели от такого поворота. Возможно, она испугалась мысли, что реальность устроена не так глянцево, как ей рассказывали. Её картина мира не смогла обработать парадокс: юродивый не должен дарить цветы принцессе. Она впала в ступор. А дальше — страх, отторжение и слёзы.

Цветы остались на столе. Было мощно. В этот момент я понял: букет был не для неё. Для мира, в котором это невозможно.

Остался густой и неприятный осадок. Но я показывал. Как и хотел. Я проглотил эмоцию, сублимируя её в дополнительную энергию. Закрыв страницу без обид и самокопаний. Для меня это было просто как плохая погода. На плохую погоду не обижаются.

Кхонкен. Безвыборность

2015-й. Первые числа сентября. Лаос. У нас с Дэном, моим ассистентом и другом, — чек-аут из отеля Douangpraseuth, в пятидесяти метрах от тайского посольства. Удобно. Мы только что получили новые тайские тур-визы.

Стою в лобби, открываю WeChat. Смотрю «радар» и внезапно вижу: в двух километрах от меня отображается Суксаван, моя виртуальная знакомая, лаосская девушка из Саттахипа под Паттайей.

Я вспомнил: за два месяца до этого она писала, что будет в Лаосе в сентябре. Если совпадём по датам, встретимся. Переписки как таковой у нас не было: редкие «привет/пока/как дела» не в счёт. Один звонок — лёгкость общения. Её плюс — беглый английский. Про мою телегу знала по фото.

Пишу ей:

— Привет. Вижу, ты в Лаосе. Давай встретимся. Я в двух километрах от тебя. У меня чек-аут, но могу задержаться на час. Выпьем кофе.

— У меня дела ещё часа на два, потом могу подъехать.

— Ок, подожду пару часов.

— Хорошо, я напишу.

Дэн спускается с чемоданами. Говорю, что задержимся на пару часов. Дэн за ноутом. Я катаюсь кругами у отеля. Два часа — тишина. Вновь пишу Суксаван:

— Ты где? Приедешь?

— Я ещё не освободилась.

— Когда освободишься? Два часа прошло.

— Не знаю. Ещё не закончила дела.

— Ок. Удачи. Я поехал в Таиланд.

Удаляю её из Badoo и WhatsApp. Говорю Дэну:

— В пизду. Продинамила. Только время потеряли. Едем в Крабишечку.

Беру такси. Дэн пересаживает меня вперёд. С водителем и случайным прохожим троём поднимают мою телегу в багажник — больше сотни кило. До тайской границы близко — 15 километров.

Доезжаем. На лаосской стороне выгружаемся: сначала телега, потом я. Обхватываю Дэна за шею рукой, второй цепляюсь за своё запястье. Он берёт меня одной рукой под колени,

второй за поясницу, как невесту на свадьбе. Сажает в телегу.

В этом месте Таиланд и Лаос разделяет река Меконг. Их соединяет «Мост Дружбы». От КПП Лаоса до КПП Таиланда два километра. Каждые четверть часа ездит автобус. Наследие шестидесятых. Часто без стёкол в окнах — сквозняк вместо кондиционера. В такой автобус на телеге не заедешь.

Я пересекаю мост за 12 минут. Мост дрожит, когда фуры обгоняют меня на телеге, выезжая на железнодорожное полотно, втиснутое в асфальт. Дэн — с вещами на автобусе. Проходим КПП. Плана, как ехать назад в Краби, нет. Автобус? Самолёт? Машина? Хрен знает, будет видно.

Но Вселенная решает за меня. Навстречу идёт водитель пикапа. Улыбается. Предлагает такси. Внезапно вспоминаю Филм, знакомую продавщицу парфюмерии. Высокая, редкая статья, сразу выбивается из толпы. Из Кхонкена — давно звала к себе. Идеальный повод навестить. До города 175 километров, как раз по дороге в Краби.

Спрашиваю таксиста:
— Сколько до Кхонкена?

— 2200 бат.

Соглашаюсь, грузимся, едем. Пишу Филм:

— Сегодня буду в твоём городе.

— Работаю до восьми, потом я твоя.

Раньше был там только проездом. Говорю водиле: «Остановишься у Central Plaza — главный молл».

Открываю iPad прямо в машине и начинаю искать отель. У многих пороги/ступеньки — не заеду. Листаю фотки, нахожу Glacier Hotel — вроде можно въехать. Показываю водителю, едем туда.

Повезло. Въезд удобный. Заселяемся. Я был выжат после дороги, хотелось только упасть в ванну и отключиться. Не до парфюмерщицы. Пишу ей: «Сегодня отбой, дико устал. Завтра свяжемся».

На следующий день с Дэном изучаем окрестности. Позже в ста метрах от отеля садимся в баре: Дэн цедит пиво, я что-то доедаю. Говорю ему: «Я пошёл в отель, буду на ресепшене».

С разгона влетаю в просторное лобби отеля. И в центре вижу её! Ту самую лаоску Суксаван, которая продинамила меня днём ранее в Лаосе. Я смотрю в упор и медленно еду мимо неё по касательной. Она отводит глаза и не смотрит на меня, но явно делает вид, что не замечает. Рядом иностранец лет пятидесяти, о чём-то спорит с ресепшионисткой. Понимаю, что они вместе. Встаю позади неё перед лифтом.

Блядь! Не могу поверить. Сходство один в один. Неужели это та самая Суксаван из WeChat? Но этого же не может быть. Она живёт в Саттахипе под Паттайей — из Лаоса обычно едет напрямую, автобусом или самолётом. С какого перепуга оказалась здесь, да ещё с пенсом, который сейчас спорит на ресепшене? Даже если он её забрал с границы — Кхонкен-то ему зачем?

Да и меня здесь быть не должно. Мой план был обратно в Краби. Кхонкен я выбрал на ходу: таксист подошёл первым, Филм всплыла в голове, отель ткнул пальцем в iPad. Каждое решение — случайное.

Возвращается Дэн. Говорю: «Отправь меня на лифте на наш этаж, потом спустись и незаметно сфотографируй эту дамочку».

Так и делаем. Но когда он возвращается, их уже нет. Ушли. Меня гложут сомнения.

Открываю WeChat. И тут доходит: я ведь удалил её из Badoo и WhatsApp. Но, как оказалось, из WeChat — нет. И именно там вижу: она в двухстах метрах от меня. Охренеть! Значит, это она. Невозможное совпадение.

Пишу ей:

— Привет! А ты почему даже не поздоровалась со мной?

В ответ — тишина.

В ту же минуту — другая реальность. Филм пишет, что придёт с подругой. Я ей:

— Зачем тебе подруга? Ты же собиравалась остаться у меня.

Она начинает делать мозг, выставляя странные условия и сложности. Теряю интерес. Отменяю встречу.

Утром открываю телефон — и уже другой поворот. Вижу ответ от Суксаван на моё вчерашнее сообщение:

— А это разве был ты?

— А ты что, многих видела на телеге, как у меня?

— В жизни ты выглядишь моложе, чем на фото.

Завязалась переписка. Я её троллю:

— Ты же говорила, что у тебя никого нет. А с тобой почтенный пенсионер. В 22 года — и не захотела найти помоложе?

Она мнётся, оправдывается:

— У нас сложные отношения. Часто ругаемся. Когда ты спрашивал, мы были в разрыве. Потом он забрал меня с границы. Решил заехать в Кхонкен — тут аукцион машин, хотел себе новую присмотреть.

С этого дня мы начали переписываться каждый день. Я выдвинулся в Бангкок, потом заехал в Накхон Си Тхаммарат к моим тайским друзьям, пробыл там три дня и вернулся на базу в Ао Нанг.

Оттуда я написал Суксаван:

— Тебе не надоело ещё с дедушкой тусить? Переезжай ко мне. На какое число тебе билеты купить?

— Надо подумать.

— У тебя только день на подумать.

На следующее утро написала: «Я готова». Сразу купил ей билет. Через день она уже у меня.

От нашей встречи в Кхонкене до её переезда в Краби прошло десять дней.

Помню: заводит чемодан. Я выезжаю ей навстречу, поднявшись на телескопическом лифте телеги на уровень её роста. Дэн выходит помочь занести второй чемодан. Мы уходим с ней в мою комнату. Она ещё не переоделась. Подходит ко мне вплотную. Просит показать, как убрать подножки — отодвигает. Берёт за талию. Я её. Целуемся. Воздух густеет. Дальше — всё без стеснений. Химия совпала. Нас просто толкнули туда, где сценарий уже был написан.

Она поселилась у меня. На несколько лет. А через три месяца забеременела Киану. Может, в этом и был план Вселенной — смешать максимально разные гены.

Сын

Я не был из тех, кто планирует детей, выбирает цвет обоев в детскую и «дышит маткой» на курсах для будущих отцов. Киану появился на свет без моего заранее утверждённого плана. Это был сценарий Вселенной.

Через месяц после начала нашей совместной жизни Суксаван рассказала: когда-то у неё был выкидыш и, по словам врачей, её шансы забеременеть стремились к нулю. Я принял это как факт. Вопрос контрацепции отпал сам собой.

Спустя годы её слова показались мне просто легендой, но тогда «невозможное» случилось быстро — тест показал две полоски. Прерывать беременность она не собиралась. Но я всё же задал прямой вопрос:

— Будешь оставлять ребёнка?

В ответ прилетел встречный:

— А ты хочешь, чтобы я сделала аборт?

Я, естественно, не настаивал. Не хотел брать на себя грех.

В культурном коде тайцев и лаосцев вшито жёсткое табу. Аборт для буддистов — как харам

у мусульман. Пятно на карме, которое не отмыть и за тысячу перерождений.

Я не воспринял отцовство как чудо или подарок свыше. Это было просто данностью. И, конечно, выходом из зоны комфорта. Единственное, что меня всерьёз напрягало, — это генетика. Я боялся, что моя болезнь передастся ребёнку. Генетическая лотерея, самая жестокая игра, в которой нельзя сохраниться перед броском кубиков.

Позже выяснил: если мать не носитель заболевания, то рисков нет. Спать стало спокойнее.

Когда узнал, что будет сын, включился режим выбора имени. Так вышло, что эта привилегия выпала мне. Суксаван не участвовала в этом. Вариантов было два: Киану или Дензел. Киану откликалось чуть больше. Это имя гавайского происхождения, означает «прохладный ветер над горами». Тёзка Ривз — тоже парень со сложной географией, так что имя сразу задало планку.

Биографию сыну Вселенная написала как сценарий сложного фестивального кино: отец — русский на электротелеге, мать — лаоска, а место рождения — Таиланд, провинция Краби. С таким досье его должны брать в МГИМО без

экзаменов. Свои люди нужны везде. Особенно в мягком подбрюшье Китая. Правда, Орден Дружбы мне почему-то до сих пор не выдали.

Пока Суксаван лежала в роддоме муниципального госпиталя Краби-тауна, со мной остался мой друг Андрюха. У меня как раз образовалось «окно» между сопровождающими, и он выручил тем, что присматривал за мной дома, закрыв все бытовые вопросы. Андрюха жил в Ао Нанге ещё до моего приезда и работал айтишником в местной компании, которую основал француз. Мы быстро сошлись на общих интересах и с тех пор дружили. Оказалось, на него можно положиться не только в разговорах, но и когда твоя жизнь напрямую зависит от рук другого человека.

В сам госпиталь я не ездил — условий для меня там не было. С Суксаван была её сестра. Пока где-то в пятнадцати километрах от нас появлялся новый человек, я работал за ноутбуком, а Андрюха сидел в соседней комнате и что-то кодил. Ожидание в фоновом режиме.

В то утро я проснулся, по привычке потянулся к телефону и открыл WhatsApp. Сообщение от Суксаван. На нём — укутанный свёрток и лицо ребёнка. Избранный.

Режима «розового пони» тут не будет. Я не заплакал. Не ощутил, как небеса разверзлись. Сверхэмоций или экстаза, как любят писать в книжках, я не испытал. Было странно. В моей реальности просто появился Новый Персонаж. Человек, который называется «сын».

Эволюция моего восприятия сына шла медленно. Привязанность не накрыла меня волной, она накапливалась годами. Иногда думаю, что я плохой отец. Где-то недодал времени, ресурсов, вовлечённости.

После расставания с его матерью я стараюсь быть недалеко от Киану. Когда она переехала в Лаос со своим новым партнёром и увезла сына, мне пришлось чаще и дольше жить в Лаосе. Так, чтобы на выходные и каникулы он был рядом со мной. Любовь — это физическая величина, а не пиксели. Сыну нужен отец, до которого можно дотянуться.

Я не стал отцом года. Я не стал тем, кто учит сына играть в футбол. Но, может быть, мне удалось показать ему, что отсутствие возможности ходить — не повод сидеть на месте.

Сатурация 92. Накхарин

2018 год. Январь. Ао Нанг. Мы с Суксаван по-прежнему живём в том же доме у Диам. Райские декорации, пальмы, постновогодний тайский сабай. Киану в свои неполные полтора года уже ходит в интернациональный садик. Посреди всего этого праздника жизни он приносит оттуда троян. Вирус.

Начинает сопливать и заражает меня. За три года в тропиках это моя первая простуда. Для обычного человека это несколько дней «стандартных неудобств». Для меня с моим диагнозом — лишний риск «синего экрана смерти».

Поначалу всё протекало стандартно — от боли в горле до кашля. Температура не зашкаливала. Болталась вокруг 38,5. Я пребывал в режиме «биохакера-идиота»: медицинские препараты первые 3–4 дня не принимал, кроме спрея в горло. Думал, что это даст возможность иммунитету укрепиться, повоевав с вирусом. А я просто майнил собственную смерть на низких оборотах.

На четвёртую ночь я впервые узнал, что такое ломка костей. Начал пить парацетамол. В

довесок меня накрыл непрекращающийся кашель. Особенно ночью, когда лежишь. Кашлял так много, что откашливаться почти не было сил. И так до утра без сна.

Первую половину ночи будил Суксаван. Это был ночной ритуал, похожий на странный танец реанимации. Механика отработанная: я лежу на спине, она, нависая надо мной, кладёт ладони мне на грудь. Упирается, как при прямом массаже сердца. Я делаю глубокий вдох, она чуть отклоняется назад, натягиваясь, как тетива лука. Секунда задержки. Мой выдох — и она синхронно наваливает всё своё 48-килограммовое тело вперёд, давя на мою грудную клетку. Нажим выбивает мокроту из лёгких, и мне удаётся прокашляться. Это был мой персональный, аналоговый ИВЛ. Но легчает всего на несколько минут, пока не накатывает новая волна. Пытаюсь «бухикать» сам, а когда уже не вмоготу, прошу её опять включить «ручной привод для лёгких».

На вторую половину ночи я её уже не беспокоил, а каждый раз звал спавшего в соседней комнате Дэна. Он вставал без вопросов и продолжал «взламывать» мою систему дыхания вручную.

После двух бессонных ночей стало ясно, что я начинаю сдавать и нужно прибегать к внешней помощи. Решил вызвать машину и двинуть с Дэном в маленькую туристическую клинику в самом Ао Нанге. Там состоялось первое касание с тайской медициной. Доктор послушал стетоскопом, посмотрел на рентген. На ресепшене выбили чек и отправили домой, уверив, что ничего серьёзного, бактериальной инфекции нет. Просто бронхит. Для них я был как сложный гаджет без инструкции: вроде работает, лампочка горит, а что внутри — непонятно.

На следующий день в полдень моё состояние пробило дно. Сидя на веранде, я начал чувствовать физическую нехватку кислорода. Пытаюсь полной грудью делать вдох — не получается. Физически воздух вроде заходит, а кислорода нет. Организм им не насыщается. В тот момент я не на шутку заочковал. Говорю Дэну, что мне херовасто и пора ехать в госпиталь. Он глянул на меня и подтвердил: я действительно бледный как полотно. Оперативно собрали «ядерный чемоданчик» и двинули в Краби-таун, в «Накхарин» — единственный на тот момент престижный коммерческий госпиталь. В этот раз Суксаван с Кианосом поехали с нами.

По дороге в госпиталь волновался: хватит ли денег? Ведь насколько я загремлю, неизвестно. А средняя цена пребывания в тайском госпитале обычно составляла в районе 1000 долларов за ночь. Страховки у меня не было. Тайские страховые отказывались покрывать риски из-за первой группы инвалидности, а насчёт российских я заблуждался, думая, что найти там вариант для длительного выезда невозможно.

В приёмном покое «Накхарина» меня тут же укладывают на функциональную кровать на колёсах. Суксаван параллельно объясняет врачам мои симптомы на тайском. Мне надевают на палец пульсоксиметр, выводящий на экран пульс и сатурацию, на руку манжету для давления. Буквально сразу все датчики начинают пищать. Понимаю: что-то сильно не так. Становится ещё страшнее. Пульс зашкаливает за 150 ударов в минуту (при норме до 90). Сатурация (уровень кислорода в крови) упала до 92% (норма — выше 95%). Персонал подскакивает мгновенно. Мне надевают кислородную маску. Сработало. Неожиданное облегчение. Внутренний блок, не позволявший вдохнуть полной грудью, исчезает. Уровень сатурации ползёт вверх, пульс чуть снижается. Меня везут в инфекционное отделение.

Спустя час к моей кровати подошёл пожилой мужчина в белом халате — главврач Пибун. Местный Гэндальф. С ним свита — две молодые ассистентки. К этому времени мне уже сделали рентген. Пибун задал мне пару вопросов про симптомы. Посмотрел на мои лёгкие на снимках и сообщил, что у меня двусторонняя пневмония. Вчерашний бронхит из клиники в Ао Нанге превратился в тыкву. Медсёстры начали выполнять команды Пibuна. В ход пошла терапия: ивабрадин, чтобы сбить пульс, и антибиотики внутривенно — убить инфекцию. Капали ещё что-то. Названий я не помню. Помню другое: спал в кислородной маске, без неё начиналось удушье.

Через пару дней терапии полегчало. Показалось, что самое страшное позади, я выписался, решил сэкономить и допить курс таблетками дома. Зря. Пероральный приём не сработал. Через день всё развернулось обратно: лихорадка, тахикардия, нехватка воздуха. Антибиотики в таблетках против моей пневмонии оказались холостыми патронами.

Вернулись опять в «Накхарин». Очевидно, одним днём теперь не отделаться. Попросил Суксаван привезти Дэну раскладушку. Он со мной в госпитале круглые сутки.

В этот раз Пибун спросил, не против ли я сдать анализ на ВИЧ. Я согласился. Результат анализа отрицательный. А вот рентген не порадовал: зона поражения лёгких увеличилась. Пибун объяснил: альвеолы, там, где кровь берёт кислород, местами залило экссудатом, а мелкие бронхи забила клейкая мокрота. Кашлять было трудно. Чем меньше я откашливал, тем гуще становилась эта хрень и тем сильнее она забивала проходы. Замкнутый круг. Как итог — сатурация падала, удушье росло.

После анализа крови к первому антибиотику добавили второй — тоже внутривенно.

Физиотерапевт приходил два раза в день. Тщательно простукивал лёгкие со всех сторон для отхождения мокроты. Дэн только успевал переворачивать меня с одного бока на другой. По ощущениям это походило на детскую кулинарную игру, где я был тестом.

Я предложил показать ему наш метод. Дэн встал у кровати, упёрся ладонями мне в грудину, поймал мой выдох — и надавил. Хрип. Потом нормальный кашель. Молодой физиотерапевт замер.

— Кто вас этому научил?

— Сами дошли. Хотите попробовать?

Он сразу отступил:

— Нет...

— Да всё в порядке. Просто давите на выдохе. В такт движению моей грудной клетки. Ничего не сломается.

Он, сомневаясь, подошёл и попробовал повторить. Вышло неуверенно, слабо и мимо ритма.

— Наваливайтесь на моём выдохе, — сказал я. — Смелее.

Со второго раза у него получилось. Снова хрип и кашель — как будто из меня выбили пробку. Физиотерапевт отдёргнул руки и выдохнул сам:

— Спасибо. Первый раз вижу такой метод!

Когда-нибудь это ему пригодится.

Четыре дня кряду мне делали санирующую бронхоскопию: через нос вводили гибкий бронхоскоп, проводили его в трахею и дальше в бронхи. Через этот шланг аппарат отсасывал мокроту в банку, висевшую на стене. Процедура неприятная, но терпимая. Это был важный кусок терапии.

Кормили меня и Дэна три раза в день. Еду мне приносили прямо в кровать — благо она была многофункциональная, как трансформер.

Правда, непонятно, как человек, который болеет, может столько есть.

На четвёртый день в госпитале я уже мог спать без кислородной маски. Температура перестала подниматься. Сатурация не падала. Висевшая на стене банка с мокротой после бронхоскопий была заполнена литра на два. Почему-то её не убрали — висела как трофей.

Понимая, какие расходы я несу, решил выписаться на пятый день. Мне разрешили, но с условием, что ещё неделю я буду приезжать на утреннюю капельницу антибиотиков. Что я и делал.

Мне повезло, что я вовремя попал на компетентного врача. В Таиланде это рулетка.

Лицом к асфальту

Меня просили поделиться самым ужасным днём. Не вспоминался. А потом — бах. Один день. Момент, когда внутри всё менялось: от животного страха до предсмертной тишины.

Я тогда жил в Ао Нанге с Суксаван и Киану. Сыну было полтора года. В тот день он оставался дома с бабушкой. А мы с Суксаван возвращались домой после прогулки к морю. Она на байке, я на электротелеге. Крейсерская скорость 10 километров в час.

Дорога шла по трассе среди холмов, потом я свернул на узкий асфальт между плантациями каучуковых пальм. На краю стоял дом, за забором были злые собаки. Рядом лежащий полицейский. Я сбавил скорость, приготовился аккуратно его переехать. Сказал Суксаван: «Езжай вперёд, не жди, чтобы не привлекать внимание собак».

Она скрылась за поворотом. Я начал переезд и в этот момент услышал лай. Собака за забором меня заметила. Резко дёрнул джойстик, телега перескочила через «полицейского», меня тряхнуло, и я рухнул вперёд. С телеги не выпал —

выручил ремень на животе. Но я согнулся пополам. Грудь упёрлась в колени, кисть слетела с джойстика, а плечо, наоборот, упёрлось в него под углом. Из-за этого телега рванула вперёд, смещаясь вправо. Лицо повисло ниже колен.

В моей колоде не было других козырей, кроме безнадёжного крика о помощи.

Изо всех сил я начал орать:

— Суксаван, помоги! Мне нужна помощь!

Шансов, что она услышит, почти ноль. Вокруг никого.

Асфальт мчался прямо под лицом. В сантиметрах от глаз. Как в кино, где камера опущена к самой земле и финал уже близко.

Поднять руку я не мог. Сдвинуть плечо с джойстика тоже. Впереди ещё метров 200, потом овраг. По бокам тоже овраги. Тележка весом 115 килограмм. Я — 50. Развязка рисовалась быстрой: сломанная шея, разбитая голова.

Перед глазами проносится разметка дороги — значит, я уже сместился вправо и приближаюсь к правой стороне оврага. Стало быть, скоро всё...

И тут — звук мотобайка. Пауза. Вдруг кто-то хватает меня за шею, опрокидывает назад в сидячее положение. Тележка тормозит, тащит ещё пару метров по инерции. Я ударяюсь ногой о байк — его кто-то поставил поперёк дороги, как шлагбаум, по траектории моего движения.

Боль. Сломан большой палец. Справа, зацепившись за шею, висит Суксаван. Её на коленях протаскило по асфальту. Сквозь порванные джинсы видны ссадины и сочится кровь.

Я в шоке. Она тоже. Но я жив. Говорю:

— Ты меня спасла.

У неё — слёзы. У меня — перерождение.

Не верилось, что услышала меня. Сообразила правильно поставить байк. Рванула наперехват. Вцепилась в шею и опрокинула обратно в сидячее положение. Всё это на скорости 10 километров в час и без права на ошибку.

Минут десять молча стояли у обочины. Я — живой. Она — со ссадинами. Всё ещё переваривая случившееся. А потом поехали домой, где ждал Киану.

Однажды в Нонгкхае

2018-й. Мой дофаминовый период в Краби закончился. Мы с Суксаван и Киану переехали на северо-восток Таиланда в приграничный город Нонгкхай. Причина прозаичная: она хотела быть ближе к родителям, которые жили на лаосской стороне за Меконгом.

Снял дом в спальном районе среди местной интеллигенции. Жизнь потекла размеренно и предательски тихо. О Таиланде напоминали лишь буддийский храм по соседству, магазины 7-Eleven, тайская речь и убаюкивающий шум цикад. Каждые выходные соседи выносили в переулок стол, ставили колонки и садились пить пиво. Дефицит пальм, отсутствие моря и гор держали меня на голодном дофаминовом пайке. Хотя было вполне сносно — грех жаловаться.

По традиции раз в год ко мне приезжала матушка. В этот раз её визит удачно совпал с двумя вещами. Первым делом съездили в посольство РФ в Бангкоке: Киану оформили гражданство и выдали загранпаспорт. Храним как NFT.

Позже всем семейством улетели на три месяца во Вьетнам в Нячанг. Чем-то напоминает Паттайю. Везде слышна русская речь. Киану в свои два с хвостиком года пошёл в русский садик. Там у детей всегда один и тот же факультатив — микробиология. Через неделю он опять принёс домой вирус. Я, как послушный отец, принял эстафету. На этот раз без прошлогодних аттракционов. Просто бронхит. Суксаван же искала себя: устроилась в цветочный магазин познавать премудрости флористики.

Февраль 2019-го. «Вьетнамские каникулы» подошли к концу. Матушка улетела обратно в Россию. В Нячанг прибыл мой сопровождающий Виктор, земляк из Челябинска. Через неделю мы вернулись в Таиланд.

Сначала остановились на пару дней в Бангкоке. Я, Суксаван, Киану — в одном номере. Витя — в другом. Затем она с Киану улетела в Лаос. Хотела побыть с родителями. Было ощущение, что мы вошли в фазу распада. Договорились: через месяц-два встретимся. Я приеду в Нонгкхай или в Лаос и решим, где осесть.

Гармонии в отношениях уже не было. С виду всё было хорошо. Иногда даже более чем — со спецэффектами. Моих чувств с запасом хватало

за двоих. Но это не работало. Я не ощущал в ней надёжного партнёра по жизни. Наши чувства были тёплыми, хотя я понимал, что «навсегда» этого ресурса уже не хватит. И всё же по инерции мы оставались вместе. У каждого свой мотив.

Мой бронхит к тому времени не проходил, кашель постоянно давал о себе знать. Мы с Виктором сменили отель. Я списался с Айс, знакомой по соцсетям. Она работала на ресепшене в частной клинике Бангкока, а свободные часы делила между книгами и пилатесом. Позвал её. Приехала. Осталась до утра. Звучит как «пришёл, увидел, победил». Но нет — секса не случилось. Господь не одобрил идею. Когда легли, температура улетела за 39°C. Реальность сузилась до точки озноба. Айс превратилась в обнажённую декорацию, случайно оказавшуюся в эпицентре моей лихорадки. Меня трясло, было не до неё. Стало ясно: это уже не бронхит.

На следующий день поехали с Виктором в Bangkok Hospital, оказалась левосторонняя пневмония. Выписали антибиотики. Лечился ими в отеле. Повезло — обошлось без осложнений. На выходе из госпиталя позвонил Суксаван. Говорю: «Может, прилетишь завтра?» Мягко

отказалась: «Не волнуйся. Зря беспокоишься. С тобой же Виктор. Прилечу, если будет совсем плохо». Идеальная эпитафия нашим отношениям.

Спустя неделю из отеля я переехал в апартаменты «Alberry Place». Ко мне приехала Фах из соседнего города Сарабури, ещё одна виртуальная знакомая. Студентка, подрабатывала промо-моделью на выставках. Моя очередная попытка заглушки внутреннего шума — мимо. Даже её откалиброванная улыбка не помогла — не совпали ни в общении, ни в постели. Вместо запланированных пяти дней я продержался только сутки. Наутро отправил её домой. Обиделась. Я, чтобы сгладить момент, наврал, что ко мне приезжает сын.

Тем временем Бангкок накрыл смог. Воздух резко испортился. Индикатор качества воздуха (PM2.5) показывал — таким дышать нельзя. После пневмонии я не стал геройствовать и улетел в Ао Нанг. За чистым морским воздухом и видами из «Аватара». Потом я собирался вернуться к Суксаван и Киану в Нонгкхай или в Лаос. Предстояло проверить, не поспешил ли я с эпитафией.

Через два дня после моего прилёта в Ао Нанг Суксаван перестала выходить на связь. Раньше

она почти каждый день писала и звонила по видео. В соцсетях — тишина. Телефон вне зоны доступа.

Спустя ещё несколько дней ответила в мессенджере, что решила устроиться на работу в Нонгкхаве и поэтому весь день занята, говорить неудобно, устаёт. Удивился абсурдности ответа. Подумал, что сошлась с кем-то. Прямо задал этот вопрос. Спустя сутки ответила: «Нет». И вновь пропала с радаров. Понял: с эпитафией отношений не поспешил.

На эмоциях послал всё подальше: купил авиабилеты на ближайший обеденный рейс Краби — Бангкок и затем вечерний Бангкок — Себу. Сказал Виктору, что улетаем на Филиппины, и попросил оперативно собрать все вещи. Так уже на следующий день я и оказался в Себу-сити. «Съебу на Себу» — без метафор.

Город встретил меня католическими церквями, большим количеством попрошаек и карабинёрами на входе в каждый молл. После Таиланда, Лаоса и даже Вьетнама не было ощущения безопасности. Буддисты сжигают на кострах трупы усопших. Католики когда-то еретиков живьём. Аналогия, объяснившая мне разницу культур.

По острову я не ездил — оставался в периметре города. Работы было много: днём нужно было сидеть за ноутбуком. В свободное время мы с Виктором делали вылазки куда-нибудь поесть или исследовать ближайшие районы. Ходили закоулками до Креста Магеллана, где местные правители в 1521 году приняли христианство. Фарт был на моей стороне: телефон лежал всё время на коленях и никто не «дёрнул». А может, просто побоялись, что я один из потомков конкистадоров, да ещё и юродивый.

Представьте: в подворотню, где не ходят туристы, влетает на электрической тележке человек. Для грабителя — лёгкая жертва. Но инстинкт шепчет другое: бесстрашие в таком месте выглядит как безумие. Как системная ошибка. Как метка Бога. Я был для них юродивым, тем, кого опасно не то что грабить, а даже взглядом задевать. Телефон на коленях защищало суеверие вместо закона.

Через неделю моего пребывания в Себу Суксаван вновь начала давать о себе знать звонками и сообщениями. Позвала меня обратно в Нонгкхай. Собиралась отдать Киану в садик. Спросила, могу ли я купить новый мотоцикл, чтобы отвозить его туда. Недолго думая, я

перевёл деньги на покупку Yamaha Grand Filano Hybrid. Стал ванильной вафлей, спасавшей то, что спасать было бессмысленно, — фантомную семью.

Апрель 2019-го. Вернулся в Таиланд — мой побег не удался. Две недели в Себу оказались лишь короткой вспышкой. Продолжил жить с Суксаван в приграничном Нонгкхае. В том же доме, что и раньше. Киану пошёл в тайский садик. Я работал над своими проектами. А она пошла учиться на массажистку. Эта размеренная жизнь длилась до августа. Затишье. Прелюдия к разрыву.

Август 2019-го. Полгода нахождения Виктора со мной подходили к концу. До его отлёта 14 августа оставалось две недели. С новым сопровождающим я ещё только договаривался, точные даты висели в воздухе.

В этот момент Суксаван сообщила: в Лаос приезжает известный духовный гуру. Большое событие для буддистов. Она собиралась поехать туда девятого августа на две недели на випассану, предварительно отвезя Киану к бабке. Это не выглядело чересчур странным. Посещение храмов, буддийские молитвы (чан-тинг) перед сном у домашнего алтаря — это было

частью её ДНК. Но был нюанс: она поставила меня перед фактом, зная, что я физически не могу остаться один. Мой аргумент, что с новым сопровождающим я ещё не договорился, не помог: «Ты же не хочешь, чтобы я тебя потом всю жизнь винила, что пропустила випассану».

Пришлось искать выход. Вспомнил про Влада из Ао Нанга, с которым были тёплые дружеские отношения. У них с женой там был бизнес — школа Монтессори. Влад, огромный детина, добряк, бывший ВДВшник. Звоню ему, объясняю расклад: Виктор улетает 14-го, Саня (сменщик) прилетит только 16–17-го. Надёжных людей, кто побудет со мной эти несколько дней, нет. Влад выручает, соглашается прилететь. Бесплатно. Живой пример того, что значит «своих не бросаем», без лишних слов. Купил Владу авиабилеты Краби — Бангкок — Удонтхани и обратно. Из аэропорта Удона до Нонгкхая 60 км. Задача решена, можно было расслабиться и не переживать.

Наступил день отъезда Суксаван на випассану. На крыльце мы разыграли идеальную семью: объятия, поцелуй со страстью Болливуда, её финальное «я тебя очень люблю». Села в такси и уехала.

Спустя три дня подозрений дёрнуло меня залезть в Line Messenger. В Таиланде это популярный мессенджер, но я им почти не пользовался в тот год. Нашёл её аккаунт, открыл ленту. Под одним из постов — комментарий мужчины, на вид европейца за пятьдесят. На аватарке он в обнимку с девушкой. Этой девушкой была Суксаван. Сердце пропустило удар. Комментарии не оставляли места для трактовок — там была однозначная близость. Я перешёл в профиль пенса. Листал его ленту. Там были другие их совместные фото из Хуа Хина. Он приезжал в Тай в отпуск. Даты постов совпадали с теми мартовскими днями, когда я был в Краби, а она пропадала и не выходила на связь.

Пазл сошёлся со звуком затвора. Мне стало ясно: пока мы были во Вьетнаме, она уже виртуально строила аэродром для запасной посадки. Их встреча в Хуа Хине была спланирована. Меня не просто прошило — меня выпотрошило. Випассана оказалась банальным фарсом. Я написал ей ядовитое сообщение. А на следующий день попросил Виктора отвезти на свалку пару её чемоданов с вещами. Там всё это было сожжено, записано на видео и отослано ей. Возможно, это была инстинктивная попытка очиститься огнём.

13-го августа, как и обещал, прилетел Влад. На следующий день уехал Виктор. Позже произошла штатная «смена караула» и пост принял Саня из Магнитки.

В 20-х числах августа я съехал из дома и отправился в аэропорт Удонтхани. План был прост: Бангкок, затем снова Филиппины — вторая попытка побега. Звонок с неизвестного номера застал меня у входа в терминал. Я ответил. Это была Суксаван. Спросила, где я. Узнав, что я в аэропорту, попросила не улетать. Сказала, что уже летит из Бангкока в Удон, нужно поговорить. Просила подождать.

Вместо того чтобы давить на джойстик и ехать к стойке регистрации, согласился дожждаться её в аэропорту. Я стоял в шаге от выхода из этих отношений, но фантом «семьи» оказался сильнее логики.

По прилёту разговор был простой. Она просила вместе вернуться в Нонгкхай ради Киану. Я согласился при условии, что она поставит точку с тем человеком. Математика игры была против меня, но я всё равно поставил на зеро.

В Нонгкхае я арендовал другой дом — рядом с её сестрой. Суксаван пересекла тайско-лаосскую границу и поехала к матери — забрать Киану. Мы жили в поломанной реальности. Старые смыслы сгорели в костре из чемоданов. Новых просто не было.

В начале сентября я обозначил ей дедлайн:

— Если хочешь собрать разбитый пазл отношений со мной, попрощайся со своим пенсом. Если нет, я уезжаю жить своей жизнью. С Киану буду видеться и помогать деньгами. Она поплыла. Чёткого ответа не дала: просила время, чтобы сделать это «по-человечески».

Так мы прожили ещё около недели до юбилейной даты нашей безвыборной встречи в Кхонкене, где Вселенная связала нас в узел. На этот юбилей я решил сделать ей приятное и подарил бриллиантовые серьги.

Через пару дней в мусорном ведре я увидел посадочный талон AirAsia с её рейса из Бангкока. Меня осенила мысль. Попросил Саню достать эту бумажку и подать мне. Я не раз летал AirAsia и знал одну неприятную особенность их сайта: по данным бронирования можно увидеть, кто оплачивал билет. Проверил и увидел имя и

контактные данные. Догадаться, кто это, было нетрудно.

Я решил ускорить финал. Отправил ему своё видео с ней и короткое письмо, где написал ему по делу: что я знаю всю историю, что обеспечиваю её и ребёнка сам и что его «помощь» не требуется. Дал понять ещё одну вещь — нам лучше никогда не пересекаться.

Суксаван в это время ушла к сестре. Через полчаса она позвонила, голос дрожал от злости:

— Теперь ты доволен?

— А ты думала, я буду молча жрать это дерьмо и смотреть спектакль дальше?

— Можешь убираться, я не вернусь.

Она осталась у сестры.

Позже вечером я получил письмо от её любовника.

«Пошёл ты нахуй, Алекс. Ты просто русская мразь в инвалидном кресле. Недомужик.

Анне нужен настоящий мужчина. Это я.

Тебе какое-то время просто везло быть рядом с такой женщиной, как Анна. Всё. Это закончилось. Доживай тот короткий срок, что

тебе остался на этой земле или просто сдохни и сделай всем одолжение. Никто по тебе скучать не будет. Ты мелкий, контролирующий, жалкий хорёк.

Ты обязан содержать Киану — ты его отец. Так что попробуй хоть раз в своей жалкой жизни повести себя как мужчина — больше, чем «Недомужик», и поступить правильно. Иди дальше. Оставь Анну в покое. Пусть живёт своей жизнью и будет счастлива.

Когда закончишь ебать сам себя, больше мне не пиши».

Да, он называл её Анной, так она ему и представлялась. В Таиланде и Лаосе никнеймы и «домашние» имена — обычное дело.

Это письмо, я думаю, не нуждается в комментариях.

На следующее утро я арендовал машину до аэропорта и улетел с Саней на Филиппины в город Думагете.

Оглядываясь назад, я понимаю: в нашей истории не было простого чёрно-белого. Я не оправдываю то, что было. Просто фиксирую:

внутри наших отношений всё оказалось сложнее, чем «кто прав, кто виноват».

По сути мы оба стали жертвами неумения вовремя отпустить. Цеплялись за фантом семьи, за общее прошлое, за долг — мучая друг друга.

И есть факт, который стоит особняком: когда-то она спасла мне жизнь.

Как я «взломал» туалет в аэропорту

Октябрь 2019-го. Вьетнам. Международный аэропорт Хошимина. Ночная пересадка.

Мочевой пузырь послал сигнал: пора в толчок. Нахожу туалет для инвалидов. Современный сенсорный. Дверь типа купейной. На стене одна кнопка «Открыть». Сенсоры определяют, есть ли кто внутри. Горит лампочка — занято. Пока внутри люди, кнопка деактивирована. Войти не получится.

Со мной помощник Саня. Он тоже из Магнитки. На 18 лет младше. Худой, но жилистый!

Ждём недолго. Из туалета выходит уборщица. Я заезжаю на своей электротелеге внутрь. За мной Саня. Завозит тележку с чемоданами. Внутри просторно. Метров двенадцать. Вкусно пахнет. Не мочой.

Саня перекидывает мою правую ногу через подножку на телеге, чтобы удобнее подъехать к унитазу.

— Дальше сам? — спрашивает.

— Да, — отвечаю.

Говорит, что сходит в соседний туалет. Касается кнопки. Дверь открывается. Он быстро выходит. И тут меня осеняет. А как он обратно зайдёт?! Поднять руку — не могу. До сенсора — не дотянуться. Блядь! Но уже поздно. Дверь закрылась.

Конструкция простая. Купейная дверь входит в стену, упираясь в прорезиненную прокладку. На стене, сантиметрах в тридцати, — сенсорная кнопка. Всё это в углу. Подъехать вдоль стены к кнопке невозможно — мешают подножки, упрутся в дверь.

Нога перекинута на подножку и передавливает артерию под коленом. Сидеть так смогу минут сорок. Потом ногу сведёт, начнётся дикая боль. Сам убрать её не смогу. Понимая это, получаю порцию адреналина. Сердцебиение учащается.

Возвращается Саня. Тыркается и не может войти. Ясен пень. Опасения подтвердились. Дверь монолитная. Плечом не вышибить.

Два часа ночи. Через дверь говорю Сане:

— Позови кого-нибудь из персонала. Покажи моё фото, где я в телеге.

Саня не говорит по-английски. Wi-Fi запаролен — перевести фразы не сможет. Убегает. Минут пять его нет. У меня нарастает паника.

Дышу глубоко. Пытаюсь замедлить сердцебиение. Не дожидаясь, пока станет невыносимо больно ноге, начинаю заранее кричать:

— Помогите! Мне плохо! Я не могу открыть дверь! Пожалуйста, мне очень плохо!

Всем похуй.

Возвращается Саня. Говорит: все, кого встретил, шугаются. Для них какой-то сумасшедший русский куда-то зовёт. Одна — то ли техничка, то ли сотрудница — решила дойти с ним до коридора. Дальше не пошла. Просто стояла и смотрела. Когда Саня подошёл к туалету, она услышала, как я кричу. Куда-то сходила, потом вернулась и показала ему перевод у себя в телефоне: «У кого есть ключи — уехал домой. Будет утром. Я позвонила в службу безопасности — может быть, помогут». И ушла.

Сердцебиение и паника усилились. Саня нашёл щиток, вскрыл крышку. Внутри — провода. Предложил устроить короткое замыкание. Я

отказался. Всё это время по коридору ходили люди. Кто-то вставал, слушал, как я кричу, и уходил дальше. Когда Саня вскрыл щиток, один китаец начал махать: мол, нельзя, тут камера, опасно.

Вспомнилось: кто ссыт — тот гибнет.

Под дверью — миллиметровый зазор. Сбоку — прокладка. Возникла идея.

— Сань, можешь вырвать резиновую прокладку?

Он ковыряет её ключами. Вырвал сантиметр.

— Есть зазор.

— Тогда нужна проволока.

Убегает. Через минуту возвращается. Нашёл проволоку в ведре со строймусором — в общем туалете.

— Вырви прокладку до уровня кнопки.

Он сделал.

Объясняю:

— Согни проволоку буквой Г, чтобы получился крюк сантиметров пять.

Он согнул.

— Медленно просовывай её вдоль стены.

Крюк оказывается прямо под кнопкой.

— Стоп. Теперь медленно поднимай вверх.

Крюк выходит на уровень поверхности сенсорной кнопки.

— Стоп.

Пауза.

— Резко прокрути проволоку между пальцев, чтобы крюк повернулся и щёлкнул по кнопке.

Он прокручивает. Электрический щелчок. Дверь открывается. Тут же — выброс дофамина. Ощущение круче любого секса! А Саня стоит лыбиться!

Всё под камерой наблюдения. До рейса часов пять. Мы вышли в зал, я лёг на скамейку метрах в тридцати от коридора в туалет. Охранник появился только через час. Глянул. Вышел.

Главное — не мешать туалету работать. Это всё, что вам нужно знать о службе безопасности в аэропорту Хошима.

Под дых от Apple — и снова в игре

2021-й. Ковид сходит на нет. Тай ещё закрыт. Я всё ещё «заперт» в столице Лаоса, Вьентьяне.

Живу в самом центре. «Urbanite» — обслуживаемые апартаменты. 50 метров до посольства Великобритании. 200 до Патусая. Патусай — как Кремль для Москвы или Триумфальная арка для Парижа. Главный символ города. Я — единственный русский в доме. Соседи: НКОшники разных стран и сотрудники ООН. Не удивлюсь, если меня принимали за шпиона.

Всё держится на ноутбуке. И вдруг старый макбук умирает. Apple как раз выпускает новые маки на процессорах M1. Покупаю онлайн через тайский App Store. Доставка идёт на адрес знакомой тайки в приграничном с Лаосом Нонгкхае. Оттуда за 3 доллара любую посылку можно переправить в Лаос без таможни. От границы до центра Вьентьяна всего 15 километров.

Получаю новый мак. И тут инженеры Apple бьют под дых.

У старых макбуков между клавиатурой и тачпэдом был зазор. Когда кисть уставала, я упирался в него большим пальцем. Упираясь на большой палец, кисть нависала над клавиатурой, и пальцы могли печатать дальше.

У новых макбуков зазор микроскопический, палец ставить некуда. Рука быстро устаёт. Начиная делать большие паузы, чтобы отдохнуть. Теряю время. Работа становится неэффективной.

Правило «не перегружать» помню. А правило «не догружать» забыл. Перехожу в режим работы лёжа: подушка под голову, ноги согнуты в коленях. Ноутбук ставлю почти вертикально — нижнюю часть упираю в подбрюшье, верхнюю в колени. Локти упираются в диван. Предплечья стоят под прямым углом, не испытывая напряжения. Кисти не устают. Работать так комфортно.

Через месяц вновь сажусь работать сидя. Фиаско.

Недогружая кисть и предплечье, я неосознанно убил большинство поддерживающих мышц и частично ослабил кисть. Печатать сидя больше не могу.

Новое ограничение. Новый вызов. Очередная адаптация.

Перебираю разные конструкции, чтобы сохранить возможность работать сидя. Оптимального варианта не нахожу. В довесок левая кисть начинает повисать, и печатать становится тяжело, даже лёжа. На AliExpress покупаю что-то вроде лангетки. Она фиксирует сустав между запястьем и кистью.

Функциональность возвращена. Облегчение. Я снова в игре — хоть и лёжа.

Ботинок в чемодане

Февраль 2022-го. Ао Нанг, провинция Краби. Прошло четыре месяца с моего возвращения в Тай после ковидных каникул в Лаосе.

Я в месте, где всё начиналось. Арендодатели — отзывчивая тётушка Диам и её муж, англичанин Алан. На этот раз снял у них поляну с двумя бунгало и садом. Раньше брал только один дом. Простой прагматизм: люблю личное пространство на случай десанта друзей или подруг. Матушке свой дом, мне — свой.

Вскоре знакомлюсь онлайн с тайкой. На вид лет двадцать с хвостиком. Зовут Минт из Чианг Мая. Мой типаж. Естественно, она знает, что я на телеге. Первый видеозвонок короткий, сидит в машине. Перекидываемся парой фраз, после чего говорит, что перезвонит. Перезванивает к вечеру. У неё базовый английский — уже хорошо. Перевернуть меня ночью на бок сможет сразу, без долгих пояснений. Мой внутренний цензор говорит: «Не упусти». Перебиваю её:

— Может быть, я куплю тебе авиабилеты Чианг Май — Краби на этой неделе?

— А это удобно? Ты говорил, у тебя сейчас мама живёт.

— Она в соседнем доме, поэтому никаких неудобств.

— Ок, позже скажу, на какой день брать.

— Да, только пришли мне фото паспорта или ID.

Ночью присылает фото своей ID-карты. Называет день. Про деньги не говорит. Покупаю билеты и скидываю ей номер рейса и время. Прошу позвонить по видеосвязи из аэропорта, когда прилетит.

Прилетает. Кидает в LINE фото из аэропорта и сообщение: «Я на месте. Куда ехать?» Прошу QR-код её банковского счёта. Перевожу 600 бат на такси и кидаю геолокацию.

Через полчаса у ворот тормозит минивен. Выкатываюсь навстречу. Она выходит, легко вытаскивает из машины большой чемодан. Спортивная. 165 см. Идеальные пропорции. Заходим в дом. Предлагаю ей отдохнуть после дороги, потом — к морю, посидеть в ресторане, пообщаться. Вместо этого она целует меня и неожиданно встаёт на колени — знакомство без слов.

Позже едем к морю: я — на телеге, она — на электробайке следом. Наличных нет. Перед тем

как заехать в ресторан, сворачиваю к банкомату. Сам снять деньги не могу — руку не подниму. Прошу достать мою карту из кармана и диктую PIN-код. Снимает 20000 бат. Протягивает деньги и спрашивает:

— Куда тебе положить?

— Положи пока себе в сумочку, а дома уже отдашь.

Теперь можно и в ресторан. Себе еду не заказываю — беру только коктейль. Схodu напрягать Минт поднимать мне вилку не хочется. Ей говорю, что сыт и чтобы брала себе что хочет. Заказывает что-то скромное и сок. Позже фоткаемся и гуляем вдоль пляжа.

К вечеру возвращаемся домой. В саду поют цикады. Хорошо. Звонок по работе — говорю по телефону и наматываю круги по бетонной площадке. Она изучает закоулки сада. Позже спрашивает:

— Можно утром потренироваться в саду?

— Конечно, без проблем.

День завершается страстно. В кровати. На её губах чувствую странный привкус чего-то то ли алкогольного, то ли медицинского.

Утром просыпается в семь и что-то ищет.

— Кажется, я потеряла свою ID-карту. Ты не видел?

— Не видел. Зачем она тебе сейчас? Потом найдёшь.

Дремлю дальше. Позже находит ID-карту и говорит:

— Я пошла в сад заниматься.

Я лежу на спине. И тут, как молния, осеняет: телефон не под рукой, позвать никого не смогу. Ощущение опасности, отсутствие контроля. В эту секунду слышу звук раздвижной двери. Окна выходят в сад и на ворота. Она закрывает дом. Громко зову её:

— Минт, дай мне мой телефон.

В ответ — тишина.

Повторяю несколько раз. Ничего.

Матушка в доме напротив, в пяти метрах, но меня не услышит. Разные мысли. А что, если Минт уйдёт на несколько часов на берег? За это время нога может затечь и никто не услышит. Лежу полчаса — адреналин бьёт ключом. Пытаюсь дыханием сбить учатившийся пульс. Проходит ещё полчаса. Вдруг слышу звук открывающегося окна в доме напротив. Матушка проснулась. Я во всё горло: «Маам, иди сюда!» К удивлению, она меня услышала и в ответ выдала:

— Ты что орёшь-то?

В этот момент — облегчение. Всё под контролем.

Заходит в дом. Прошу матушку подать телефон и перевернуть меня на бок. Она говорит:

— Видела из окна твою даму: как обезьяна через ворота перелезла и спрыгнула.

Думаю: наверное, побежала к морю. Смотрю, её чемодан стоит в комнате.

С телефоном под носом дремлю дальше. В десять просыпаюсь. Минт так и нет. Странно. Звоню матушке в WhatsApp:

— Подойди ко мне. Буду вставать.

Приходит, сажает на телегу. Звоню Минт — телефон отключён. Думаю: странно. Вспоминаю, что деньги вчера у неё не забрал. На столике их нет, в другой комнате — тоже. Её маленькой сумочки нет. Понимаю: похоже, воспользовалась шансом и решила пиздануть деньги. Прошу матушку открыть чемодан Минт. Открывает — а в нём пара тряпок и один башмак. Не пара. А один! Получается, чемодан бутафорский, для отвода глаз.

Выезжаю в сад — как раз заходит Диам, хозяйка земли. Коротко всё рассказываю. Она сразу звонит соседям. Сосед говорит: утром

Минт голосовала на трассе, он подвёз её в аэропорт. Диам набирает знакомого полицейского. Тот просит ехать в аэропорт, где будет ждать: без потерпевшего ничего не сделать. Не зря я брал фото ID-карты Минт — пересылаю его Диам.

Они с матушкой едут в аэропорт. Там уже ждёт полиция. Объявляют регистрацию на очередной рейс в Бангкок. Матушка торопится, быстрым шагом проходит вдоль кресел и видит Минт, сидящую в худи с капюшоном. Хватает её за ухо и по-русски начинает что-то втирать. Та визжит, слёзы фонтаном. Диам останавливает матушку, показывая, что нельзя. Подходят полицейские, просят Минт предъявить документы. Диам показывает на телефоне фото ID-карты Минт и всё объясняет — фактически берёт на себя роль моего «адвоката». Полицейский сверяет фото и кивает.

Полиция разбирается. Минт уверяет их, что работала у меня чуть ли не месяц: якобы ухаживала за мной, а 20000 бат — её зарплата. Диам разоблачает её ложь, показывая на телефоне сканы авиабилетов, которые я купал для Минт. Добавляет, что видела её вчера, когда та приехала на минивене. Матушка снимает всё

на видео. Полицейские звонят мне и задают вопрос:

— Сейчас она отдаёт все деньги, и вы без претензий? Или оформляем дело? Но тогда деньги только через суд.

Не хочу делать ей проблем. Выбираю первое. Оформляют протокол. Всей толпой делают фото: как Минт передаёт деньги.

Впервые сталкиваюсь с таким поступком лицом к лицу.

Через неделю вижу Минт онлайн в Tinder. Отправляю:

— Вау. Опять ты.

Отвечает:

— Я ничего не помню. Почему я оказалась в аэропорту с полицией?

— Потому что ты забрала мои деньги и убежала. Идею с бутафорским чемоданом с одним башмаком, похоже, часто используешь.

— Ты о чём? Я всё смутно помню. У меня биполярное расстройство. У нас был секс?

Игнорирую вопрос про секс, кидаю смайлик. В ответ пишет:

— Хочешь, я приеду? Мне так стыдно. Но я боюсь твоей мамы.

— Сейчас не самая удачная идея приезжать.

Ещё какое-то время мелькала в соцсетях — ставила лайки на мои сторисы. Потом — череда бойфрендов. Сейчас у неё всё хорошо. Постоянный прокачанный парень, который возит её по миру нон-стоп. В её сторисах — еженедельные перелёты на частных джетах, бизнес-класс и прочий тяжёлый люкс. Похоже, на этот раз чемодан у неё настоящий.

Тишина как сигнал

История с Минт сработала как детонатор. Я задумался о системе безопасности, которая работала бы в «мёртвой зоне» — там, где я не могу позвать на помощь.

Сопровождающий рядом не застрахует от всего: с ним тоже может что-то случиться. Мне нужна дополнительная страховка на случай, когда я один, или когда тот, кто рядом, сам выпал из игры. Если это случится во сне или просто пока я отдыхаю, а телефон заряжается на соседнем столике — я капитан подводной лодки без рации.

Поэтому я придумал схему, простую как табуретка: моё бездействие и есть сигнал беды. Не нужно ни кричать, ни жать SOS — наоборот: молчишь, значит тревога.

Завёл закрытую группу в Telegram, добавил туда доверенных лиц и бота. Бота написал сам — айтишные навыкигодились. Бот ждёт от меня отметку по расписанию: жив, всё в порядке. Отметился — молодец. Не отметился — бот пишет мне сам, даёт последний шанс: вдруг забыл. Если молчу дальше — бот рассылает SOS

всем в группе. Что делать, в какой последовательности, кому звонить, куда ехать, у кого ключи от двери, чтобы вытащить меня.

Не зря читал «Чёрного лебедя» Насима Талеба — подготовился к событию, которое невозможно предсказать, но которое может изменить всё.

Поэтому, заезжая в новое место, я первым делом обновляю протокол: новый адрес, контакты людей поблизости. Привык к этому, как к чистке зубов. Так спокойнее, и не нужно думать о плохом. Если что-то пойдёт не так — моя тишина сама запустит спасение.

Эпилог: Другая сторона

Седьмой этаж — название той Стороны, где я рос с шести лет. Она была моим личным замком Иф. Двенадцать лет назад я перешел на Другую сторону. Это был мой транзит. Из холода — в тепло. Из зоны «вынужденного комфорта» — в зону полной неопределенности. Из места, где старые смыслы закончились, — туда, где новые только начинались.

Другая сторона — это не про лучше или хуже. Это про кризис: момент, когда у смыслов заканчивается срок годности и появляется возможность транзита — перейти на новую сторону своей жизни. Она отменяет предыдущую, но не делает её ложной и не обесценивает. Одно служит продолжением другого.

На кону выбор без выбора: когда в комнате заканчивается воздух — ты либо находишь дверь, либо остаёшься досиживать пустоту.

И так — всю жизнь. Пока есть силы.

Послесловие

Эта книга родилась спонтанно. Всё началось с видео-кружочков в Telegram от моего товарища — Миши Жуховицкого. Он сказал простую вещь: многие блогеры вымучивают истории, искусственно выдавливая их из себя. А тебе ничего выдумывать не надо. Ты сам по себе — уже история.

Миша советовал больше писать в мой телеграм-канал про то, что со мной случилось, что я сделал, что не сделал, как выжил и как живу. О том, что для большинства людей кажется невозможным. Он был уверен: мой опыт многим сможет пригодиться. Не то чтобы я сам этого не понимал, но когда слышишь такое от авторитетного для тебя человека, воспринимаешь всё иначе.

В тот момент Миша как будто подключил меня к Вселенскому генератору текстов, и я решил не ограничиваться постами в своём телеграм-канале, а создать нечто осязаемое — книгу. В этом решении сошлись разные интересы. Я не буду рассуждать, какой из них перевесил.

С одной стороны, сработала моя привычная, прагматичная оптика. Я рассматривал книгу как актив. Как первый кирпичик в фундаменте будущего медиапроекта, который я тогда только планировал. Как инвестицию в личный бренд. Капитал, который будет годами приносить «дивиденды».

С другой — желание создать семейный артефакт для моего сына Киану. Не миф про папу, а папа как есть.

Важным дополнением к двум пунктам выше стало понимание того, что кто-то найдёт для себя здесь не абстрактную мотивацию, а реальный пример того, как держать удар. Находить выход там, где, казалось бы, глухой тупик. Превращать проблемы в топливо для жизни. Обретать новые смыслы — вместо прежних.

Всё это и дало тот импульс, который привёл к написанию этой книги.

P.S. Отдельная благодарность Ирине Леонидовне Жуховицкой за бесценный вклад: целая неделя ежедневных двух-трёхчасовых созвонов. Финальная вычитка — её работа. Литературные

правки — в две головы. Миша подтолкнул книгу к существованию, его мама помогла её завершить.

История продолжается

Всё, что происходит сейчас, найдёте в моих соцсетях. Заходите, подписывайтесь — там продолжение.

[Telegram](#)

[Youtube](#)

[Instagram](#)

[Max](#)

[X](#)

Содержание

Ползком через детство	1
Первый компьютер: сквозь грядки и огонь 5	
Физмат. Одно рукопожатие от Брежнева .	8
Первый Интернет. Снятие санкций	11
Проводники на волю	13
Три удара Попика	19
Уход. Новый виток	24
Приговор	27
Бартер со Вселенной	31
Отпечаток страха	39
Вещества	42
Первая граница	46
Микки Маус. Баночка с камнями	54
Мой первый бизнес-партнёр. Флайтурист. Краби ⇔ Купертино	65

Как я ищу сопровождающих	72
По следам Сноудена	77
Антидепрессант для брата	83
Истерика в молле. На лепестках роз	90
Кхонкен. Безвыборность	94
Сын	102
Сатурация 92. Накхарин.....	106
Лицом к асфальту	114
Однажды в Нонгкхэе	117
Как я «взломал» туалет в аэропорту	131
Под дых от Apple — и снова в игре	136
Ботинок в чемодане	139
Тишина как сигнал	147
Эпилог: Другая сторона	149
Послесловие	150
История продолжается.....	154

© Александр Игоревич Воронин, 2026

ISBN 978-5-600-05031-0 (электронное издание)

Версия 1.3

Возрастная категория: 18+

Редакторы: Ирина Жуховицкая, Михаил Жуховицкий

Концепция обложки: Александр Кроу

Дизайн обложки: Дизайн-бюро Максима Гулевича

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, сохранена в информационной системе или передана в какой бы то ни было форме без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Произведение основано на личном опыте автора и носит автобиографический характер. Некоторые имена и детали изменены. Описанные события переданы так, как они запомнились автору, и не являются документальным разбирательством или чьей-либо оценкой «вины» и «правоты».

Упоминания алкоголя, табака и иных психоактивных веществ носят исключительно описательный характер, обусловлены повествовательным контекстом и не являются пропагандой, рекламой либо призывом к употреблению.

Автор не одобряет незаконный оборот и употребление наркотических средств и психотропных веществ.

Незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ причиняет вред здоровью и запрещено законодательством Российской Федерации.